

ДЖУЛИЯ СТЮАРТ

К сокровищам Короны, которые хранятся в Тауэре, прибавился еще один искусно ограненный алмаз — роман Стюарт.

Richmond Times-Dispatch

Джулия Стюарт
Тауэр, зоопарк и черепаха
Серия «Азбука-бестселлер»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6898562
Тауэр, зоопарк и черепаха: роман : Азбука, Азбука-Аммикус; СПб.; 2014
ISBN 978-5-389-08222-9

Аннотация

В самом сердце британской столицы, лондонском Тауэре, Бальтазар Джонс несет свою нелегкую службу королевского гвардейца-бифитера. Он страж знаменитой древней крепости и по совместительству экскурсовод. Там же, в Тауэре, он и проживает, вместе с женой-гречанкой и черепахой ста восьмидесяти одного года от роду. Но в один прекрасный день его назначают смотрителем королевского зверинца, который планируется разместить в Тауэре, благо королеве без конца преподносят в дар экзотических животных. Так в жизнь бифитера вторгаются пингвины, жирафы и комодские вараны, однако вызванные ими треволнения – сущие пустяки по сравнению с тем, что творится в душе Бальтазара Джонса...

Содержание

От автора	4
Действующие лица	5
Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	21
Глава четвертая	27
Глава пятая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Джулия Стюарт Тауэр, Зоопарк и Черепаха

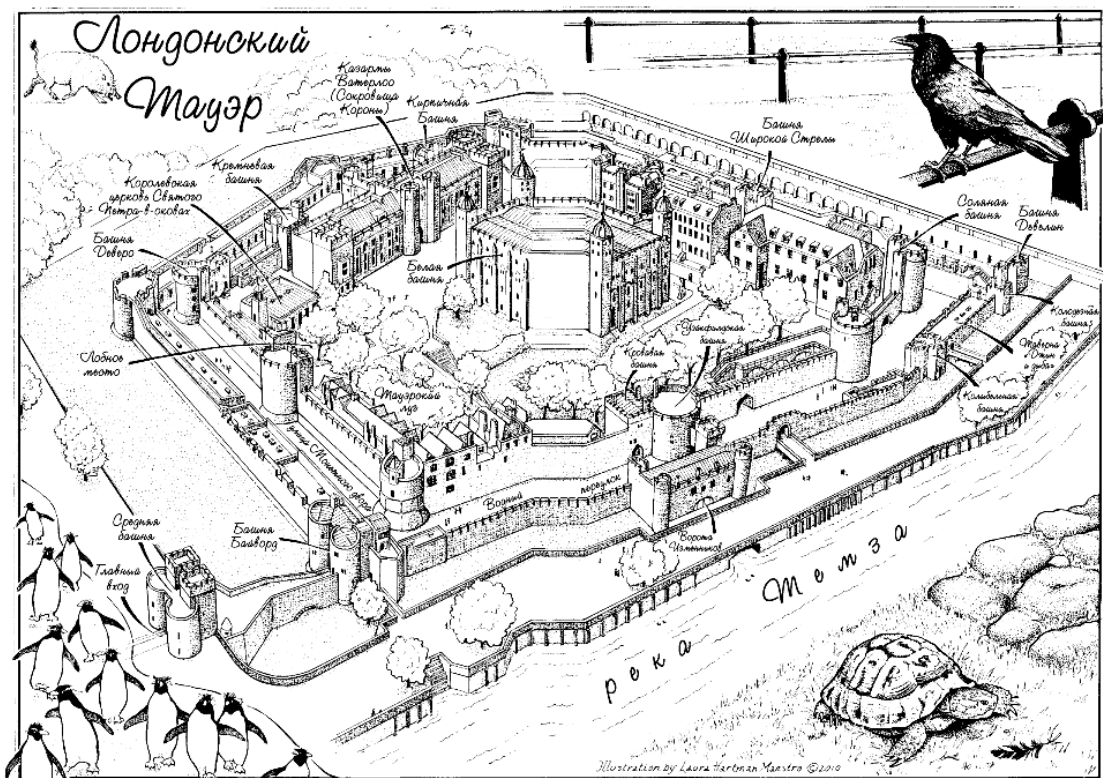
Посвящается Джоан

От автора

Я благодарна всем авторам многочисленных путеводителей по лондонскому Тауэру. В «Похоронных портретах Вестминстерского аббатства» под редакцией Энтони Харви и Ричарда Мортимера прекрасно описаны любопытные экспонаты музея, хотя изложенная там история с чучелом попугая герцогини Ричмонд и Леннокс, конечно, вымышлена. Бесценным источником информации для меня послужила и прекрасная книга Даниеля Хана «Зверинец Тауэра. Удивительная и правдивая история королевской коллекции диких зверей». Выражаю также свою благодарность доктору Элайдже Р. Беру, моему суперагенту Граинне Фокс и всем сотрудникам издательства «Doubleday». При написании этого романа ни одно животное не пострадало.

О характере человека можно судить по его отношению к животным.

Иммануил Кант

Действующие лица

Бальтазар Джонс – бифитер, смотритель королевского зверинца в Тауэре, отец Милона; собиратель образцов дождевой воды.

Геба Джонс – жена Бальтазара; работает в бюро находок Лондонского метро.

Миссис Кук – черепаха Бальтазара и Гебы, которой сто восемьдесят один год (самая старая черепаха в мире).

Артур Кэтнип – невысокий мужчина, билетный контролер в Лондонском метро.

Преподобный Септимус Дрю – капеллан Тауэра; сочинитель эротической прозы, влюбленный в одну из обитательниц Тауэра.

Руби Дор – хозяйка тауэрской таверны «Джин и дыба»; у нее есть своя тайна.

Валери Дженнингс – экстравагантная сотрудница Гебы в бюро находок; обожает малолетних мужчин.

Смотритель воронов – неприятный тип; ухаживает за вуронами.

Сэр Уолтер Рэли – бывший узник Тауэра, самый беспокойный из призраков.

Главный страж – строгий начальник бифитеров.

Освин Филдинг – конюший королевского двора.

Сэмюель Крэппер – постоянный клиент бюро находок Лондонского метро.

Йомен Гаолер – заместитель начальника бифитеров; по ночам его пугает призрак Рэли.

Бифитер – популярное прозвище гвардейцев, которые охраняют лондонский Тауэр. Они несут свою службу, защищая ворота и охраняя государственных преступников с самого основания крепости, со времен короля Генриха Восьмого (1509–1547). С тех пор королевским гвардейцам-йоменам разрешено носить мундир с королевской символикой, который они в почти неизменном виде до сих пор и носят. В шестнадцатом-семнадцатом веках в обязанности команды бифитеров под началом лейтенанта входило пытаться заключенных.

Полный и правильный титул бифитеров – Йоменская стража дворца Ее Величества и крепости Тауэр и телохранители Высочайшей Особы. Их куда менее звучное прозвище – бифитер¹ – появилось, вероятнее всего, в семнадцатом веке, когда стражникам в обязанность вменили пробовать мясные блюда с королевского стола. Сами они до сих пор предпочитают называться Йоменской стражей.

Вот уже несколько веков подряд именно они показывают Тауэр посетителям. Первые гости приходили по приглашению членов королевской семьи или правительства, однако, согласно архивным записям, уже в середине семнадцатого столетия люди были готовы платить за разрешение осмотреть крепость. В 1838 году в Тауэре ввели фиксированную входную плату и начали печатать путеводители и билеты. Через три года ежегодное число посетителей возросло с десяти с половиной до восьмидесяти тысяч. Именно тогда Йоменская стража официально превратилась в экскурсоводов.

В наши дни стражники Тауэра не только охраняют крепость и проводят экскурсии, но также участвуют в коронации, похоронных церемониях, параде лорд-мэра и других государственных мероприятиях и благотворительных акциях. В Йоменскую стражу принимаются вышедшие в запас младшие офицеры, безусловно прослужившие ее величеству не менее двадцати двух лет.

¹ Beefeater (англ.) – букв. «поедающий говядину», «мясоед». – Здесь и далее примечания переводчика.

Глава первая

Стоя на зубчатой стене крепости в пижаме и халате, Бальтазар Джонс смотрел на Темзу, туда, где однажды сидевший на привязи белый медведь Генриха Третьего поймал лосося. Бифитер не замечал ни пронзительного холода, забиравшегося в рукава халата, ни жуткой сырости, которой тянуло по голым лодыжкам. Держась озябшими руками за древний парапет, запорокинув голову, он вдыхал ночной воздух. Вот оно!

Запах, который ни с чем нельзя спутать, коснулся его объемистого носа несколько часов назад, когда бифитер спал в своей постели в тауэрской квартире, служившей ему домом последние восемь лет. Решив, что это ему просто пригрезилось сквозь обычно тягостный сон, он поскреб волосатую грудь, седую, словно подернутую пеплом, и снова провалился в дремоту. Но, перевернувшись на бок, в противоположную сторону от жены, источавшей восточные ароматы, он снова ощутил его. Запах небывалого ливня, который он узнал немедленно, а узнав, тотчас сел в темноте на кровати. Глаза его распахнулись, как у птенца.

Жена от его резкого движения несколько секунд качалась на матрасе, как тело, дрейфующее на морских волнах, потом пробормотала что-то неразборчивое. Когда она перевернулась на другой бок, ее подушка съехала в щель между изголовьем кровати и стеной – в этом состояло одно из многочисленных неудобств круглых комнат башни, – Бальтазар Джонс сунул руку в пыльное пустое пространство и пошарил по полу. Выудив из щели подушку, он положил ее рядом с женой осторожно, чтобы не потревожить. Он снова, в который раз, удивился, что женщина такой красоты – красоты, не померкшей даже в пятьдесят пять лет, – во сне выглядит точь-в-точь как ее отец. Но на этот раз ему не захотелось ее будить, чтобы избавиться от жуткого ощущения, будто он спит в одной постели со своим тестем-греком, человеком до того некрасивым, что вся родня говорила о нем: добрый сыр в плохой упаковке. Бальтазар Джонс быстро вылез из постели, сердце у него замирало от предвкушения. Позабыв, какая у него легкая, грациозная поступь, он босиком затопал по вытертому ковру. Прижался носом и седой бородой к оконному стеклу, на котором и без того имелось немало расплывчатых пятен от его носа. За окном было еще сухо. С нарастающим волнением он высматривал в ночном небе дождевые тучи, которые и принесли волшебный запах. Он ждал этого момента больше двух лет и, боясь его упустить, поспешно пошел мимо большого каменного камина в другую часть спальни. Он шел, неся перед собой живот, в котором еще лежала тяжесть от съеденного на ужин барашка.

Подхватив халат, где в карманах валялись крошки от уничтоженных тайком печений, он натянул его на ходу поверх пижамы и, забыв надеть свои, в шотландскую клетку, шлепанцы, открыл дверь. Он не заметил ни стука щеколды, ни неразборчивого бормотания жены, которая в этот момент шевельнулась – на щеку ей упала прядь волос. Держась одной рукой за грязный канат ограждения, он начал спускаться по зверски холодной винтовой лестнице, в другой руке сжимая египетский флакон для духов, в который хотел собрать дождевую воду. Спустившись, он прошел мимо спальни сына, куда ни разу не заходил с того страшного, жуткого дня. Выйдя из Соляной башни, где располагалась их квартира, он медленно, без стука, закрыл за собой дверь, мысленно поздравив себя с благополучным побегом. В этот миг Геба Джонс проснулась. Она провела рукой по простыне, подаренной им на свадьбу много лет назад. Постель со стороны мужа была пуста.

Бальтазар Джонс собирал образцы дождевой воды почти три года, с тех самых пор, когда умер его единственный сын, – собирал с непонятной ему самому страстью. Он-то думал, что ненавидит дождь, который настолько вошел в их жизнь, что от сырости на улице и внутри, в их отвратительных квартирах, почти у всех бифитеров на ногах появлялся какой-

то особенно стойкий грибок. Но через несколько месяцев после смерти сына, оцепеневший от горя Бальтазар Джонс вдруг понял, что следит не за карманниками, за которыми ему полагалось следить, а за облаками. Тяжкий груз вины не давал дышать, но, вглядываясь в дождевые тучи, он начал понимать разницу в дождях, под которыми мокнул целыми днями. Через некоторое время он научился различать шестьдесят четыре вида дождя, составив их краткое описание в черном блокноте с твердым переплетом, купленном специально для этой цели. Вскоре после блокнота он заказал себе египетские флаконы, которые выбрал не столько за красоту, сколько за надежность пробки. В эти-то флаконы он и начал собирать свои образцы, записывая время, дату и характерные особенности каждого дождя. К большой досаде жены, он заказал для пузырьков застекленный шкафчик, который с большим трудом удалось повесить на закругленной стене гостиной. Вскоре шкафчик заполнился образцами, и бифитер выписал себе еще два, но на этот раз жена убедила его повесить шкафчики на верхнем этаже Соляной башни в комнате, куда она не заходила, потому что там остались еще со времен Второй мировой жуткие надписи, написанные мелом пленными немецкими подводниками.

Когда число заполненных флаконов достигло ста, превратившись в весьма солидную коллекцию, Бальтазар Джонс пообещал жене – успевшей возненавидеть дождь больше, чем обыкновенная гречанка, которая не умеет плавать, – что на этом остановится. И какое-то время казалось, будто Бальтазар Джонс исцелился от своей страсти. Хотя на самом деле тогда в Англии началась небывалая засуха, а как только снова зарядили дожди, Бальтазар Джонс вернулся к своему нездоровому увлечению, хотя главный страж успел к тому времени не раз сделать ему замечание за то, что он глазеез на тучки, забывая отвечать на вопросы туристов.

Геба Джонс утешалась мыслью, что муж заполнит флаконы и забудет о своей коллекции. Однако ее надежды испарились, когда он, сидя однажды вечером на краю постели и стягивая с левой ноги насквозь промокший носок, признался с убежденностью человека, решившего доказать существование драконов, что затронул лишь верхушку айсберга. Вскоре он купил конверты и набор почтовой бумаги и учредил клуб Эриберта Кельнского, названного в честь святого покровителя дождя, и начал слать письма в надежде найти единомышленников, чтобы сравнить свои наблюдения с другими. Он давал объявления в десятки газет по всему миру, однако получил лишь один ответ, сплошь в следах от высохших капель, который ему написал пожелавший остаться неизвестным житель Мосинрама, одного из самых дождливых мест в мире, на северо-востоке Индии. «Мистер Бальтазар! Вы должны как можно скорее отречься от своего безумия. Потому что хуже сумасшедшего может быть только промокший сумасшедший», – говорилось в письме.

Но отсутствие интереса лишь подогревало его одержимость. Теперь Бальтазар Джонс все свободное время посвящал письмам, которые писал метеорологам по всему свету, чтобы поделиться с ними открытиями. Он получил ответы от всех, и его пальцы, гибкие, как у часовщика, дрожали, когда он вскрывал конверты. Однако обнаруживал там лишь вежливое равнодушие этих специалистов. Бальтазар Джонс сменил тактику и погрузился в изучение пыльных книг и манускриптов из Британской библиотеки, таких же хрупких, как его рассудок. Нацепив очки, он просмотрел там все, что написано о дожде.

В конце концов Бальтазар Джонс обнаружил некую редкую разновидность дождя, который, насколько он мог судить, выпал лишь однажды в Коломбо в 1892 году. Он читал и перечитывал описание того внезапного ливня, приведшего, помимо длинного списка несчастий, к безвременной кончине коровы. Ему казалось, что он узнает его по запаху раньше, чем тот начнется. Он ждал его каждый день. Страсть сделала его болтливым, и однажды он проболтался жене, что больше всего на свете хочет поймать этот дождь. Она же молча смотрела на человека, не проронившего ни слезинки над умершим сыном Милоном, – смотрела со смешанным чувством недоверия и жалости. А когда отвела глаза на луковицы нарциссов,

которые собиралась посадить в ящике на крыше Соляной башни, в очередной раз спросила себя, что же случилось с мужем.

Привалившись спиной к дубовой двери Соляной башни, бифитер огляделся, чтобы удостовериться, что никто из обитателей крепости его не видит. Единственным движущимся объектом оказались колготки телесного цвета, болтавшиеся на веревке на крыше казематов. В этом древнем строении с террасами, возведенном под крепостной стеной, жили почти все тридцать пять семей бифитеров. Остальные, так же как и Бальтазар Джонс, имели несчастье обитать в двадцать одной крепостной башне или, хуже того, в доме на Тауэрском лугу, месте, где некогда было обезглавлено семь человек, причем среди них пять женщин.

Бальтазар Джонс хорошенько прислушался. Единственным звуком, доносившимся из темноты, были шаги часового, обходившего свою территорию с размеренностью швейцарских часов. Бальтазар снова понюхал воздух и на мгновение усомнился. Он колебался, проклиная себя за глупую уверенность, будто заветный миг наконец настал. Он представил себе жену, вспомнил ее сонные птичьи звуки и решил вернуться в теплую уютную постель. Но в тот момент, когда он уже решил было спускаться, он снова уловил запах.

Направляясь к крепостной стене, он с облегчением увидел темные окна в местной таверне «Джин и дыба», которая служила бифитерам местом встреч на протяжении двухсот двадцати семи лет, не закрываясь ни на день, даже во время Второй мировой, когда в нее угодила бомба. Бальтазар посмотрел на окна не зря – иногда жаркие споры там не стихали до утра. Жбру им поддавали желающие поразвлечься.

Бальтазар Джонс двинулся дальше по мостовой Водного переулочка, поскользываясь босыми ногами на опавшей листве. Увидев Уэйкфилдскую башню, он вспомнил мерзких вуронов, которые ночевали там у стены в своих клетках. Клетки у них были роскошные, с проточной водой, теплым полом и кормушками, полными свежим беличьим мясом, купленным на средства налогоплательщиков, чего Бальтазар Джонс не одобрял, познакомившись с подлым вороньим нравом.

Его жене знаменитые тауэрские птички не понравились с той минуты, как они с мужем переехали в Тауэр. «На вкус отдают мертвечиной», – заявила при виде воронов Геба Джонс, которая перепробовала блюда чуть ли не из всей дичи на свете, за исключением павлинов, потому что есть павлина – дурная примета.

Но Бальтазар Джонс отнесся к ним с интересом. Через несколько дней он бродил по Тауэру и заметил ворона, сидевшего на деревянной лестнице возле Белой башни, которую заложил сам Вильгельм Завоеватель, чтобы отбиваться от диких и подлых англов. Ворон, скосив глаз, рассматривал Бальтазара Джонса, пока Бальтазар Джонс восхищался черным опереньем, игравшим в солнечном свете разными красками. Он восхитился еще больше, когда смотритель воронов, ухаживающий за птицами, кликнул ворона по имени и тот к нему направился, неловко перепархивая с места на место, потому что крылья у него, как и у всех воронов в крепости, подрезают, чтобы птицы не улетели. Узнав, что вороны любят печенье, размоченное в мясной сукровице, Бальтазар Джонс выкроил время, чтобы угостить их этим птичьим деликатесом.

Еще через несколько дней Милон, которому тогда было шесть лет, вдруг закричал: «Папа, папа!» – тыча пальцем в сторону Миссис Кук, древней черепахи Джонсов, на спине у которой сидел ворон. Тут вся симпатия к этим тварям немедленно испарилась. Дело было не в том, что садиться без приглашения к кому-либо на спину крайне невежливо. И не в том, что ворон успел изрядно нагадить на панцирь его любимицы. А в том, что мерзкая птица норовила клюнуть Миссис Кук в незащищенные части. А Миссис Кук, которой шел уже сто восемьдесят первый год, в силу своего возраста слишком медленно втягивала под изрядно истертый панцирь лапы и голову.

Тот случай оказался не последним. Прошло еще несколько дней, и Бальтазар Джонс заметил, как вороны выстроились в боевой порядок рядом с Соляной башней, где когда-то хранили селитру. Один сидел на крыше красной телефонной будки, трое других пристроились на стволе пушки, четвертый примостился на развалинах римской стены, и еще двое выбрали крышу Новых оружейных палат. Так они сидели несколько дней, пока Миссис Кук, в силу своей медлительности, не спеша исследовала новое жилище. В конце концов она решила двинуться дальше. И как только перенесла морщинистую лапу через порог, отряд воронов в черных мундирах дружно скакнул вперед. С поразительным терпением они выжидали несколько часов, пока Миссис Кук удалится от двери на достаточное расстояние, и сделали второй прыжок. Смотритель воронов утверждал, будто все дальнейшее случилось из-за того, что после птичьего обеда прошло много времени. Но Бальтазар Джонс с негодованием сказал, что вороны ведут себя возмутительно не только потому, что это в их дьявольском характере, но они еще и плохо воспитаны, и тем нанес смотрителю оскорбление до того болезненное, что оно не скоро забылось. Как бы там ни было, факт оставался фактом: Миссис Кук, самая старая черепаха в мире, осталась без хвоста, а один из тауэрских воронов не стал обедать, потому что не был голоден.

Когда Бальтазар Джонс проходил мимо Уэйкфилдской башни, плеск воды в Воротах Изменников показался ему в темноте громче обычного. Бросив взгляд налево, он увидел внизу под башней широкие деревянные ворота, некогда впускавшие лодки с продрогшими арестантами, обвиненными в государственной измене. Но Бальтазар Джонс ни на секунду не вспомнил о том, о чем бесчисленное множество раз в деталях рассказывал туристам, интересовавшимся лишь способами пыток и казней да еще местоположением туалетов. Ускорив шаг, он двинулся дальше мимо Кровавой башни, где под стеной рос пышный куст красных роз, который, согласно легенде, был белым до убийства двух малолетних принцев. Не обратил внимания он и на отсвет свечи в одном из окон башни, где в камере, тринадцать лет служившей местом его заточения, сидел, покусывая кончик гусиного пера, призрак сэра Уолтера Рэли.

Бальтазар Джонс быстрым шагом поднялся по каменным ступеням на зубчатую стену. Перед ним текла Темза, и однажды в этом самом месте сидевший на привязи белый медведь Генриха Третьего поймал рыбину и съел. Но Бальтазар Джонс смотрел не вниз. Он не сводил своих голубых глаз с небосклона, прикидывая, откуда ветер несет долгожданный дождь. Перебирая свою седую бороду, он что-то подсчитывал, глядя в уже начинавшее светлеть небо.

Геба Джонс, так и не уснувшая после того, как ее разбудил муж, дважды чихнула от пыли, оставшейся на подушке. Геба перевернулась на спину, сняла с уголка рта прилипшую прядь. Волосы, в молодости закрывавшие водопадом всю ее спину, теперь скромно доходили до плеч. Но если не считать нескольких прядок, поблескивавших на свету серебром, словно рыбки, ее волосы, несмотря на возраст, оставались такими же иссиня-черными, как и в те времена, когда Гебу впервые увидел Бальтазар Джонс, который теперь списывал это на ее строптивый нрав и нежелание признавать законы природы.

Лежа в темноте, Геба представляла себе, как сейчас ее муж в одной пижаме бродит по Тауэру, с египетским флаконом в руке, которая уже забыла, как ласкать жену. Она сделала все, что могла, чтобы избавить его от пагубной страсти. Поначалу она перехватывала его у дверей спальни. Но скоро он наловчился выскальзывать незаметно и успевал пройти до середины лестницы, пока не раздавались те самые семь слов, которых он с детства боялся и которые с тем же гневом произносила его мать: «Ну и куда же это ты собрался?» Его стойкий интерес к искусству исчезать незаметно привел к некоторым неожиданным результатам.

Геба Джонс начала сама изучать самоучители по незаметным побегам, которые он приносил из общественной библиотеки, и запирала дверь спальни раньше, чем успевали погаснуть ночники, а пока муж в сортире вел неравную борьбу с запором, она прятала ключ. Но однажды утром ее фокус вышел им боком, потому что она забыла, куда положила ключ. Едва не задыхаясь от унижения, она попросила мужа помочь ей в поисках. Он вынул незакрепленный камень рядом с одним из окон с затейливым переплетом, но нашел в тайнике только очередную стопку надушенных любовных писем, которые сам писал ей в период ухаживаний. Тогда он подошел к камину, сунул руку за широкий каменный бордюр наверху и вынул из-за него старую жестяную коробку из-под конфет. Открыв ее, он обнаружил пару серебряных запонок со своими выгравированными инициалами, начертанными самым восхитительным почерком. Жена призналась, что это подарок, который она купила ему на Рождество четыре года назад, но так и не вручила. Ее радость оттого, что она снова видит эти запонки, и восторг Бальтазара Джонса, вдруг получившего неожиданный подарок, потряс их обоих до глубины души. Но уже скоро они возобновили поиски и искали, пока бифитер не наткнулся в ящике ночного столика жены на откровенно порнографические журналы. «Это еще тебе на кой черт?» – спросил он, тем самым инициировав сход лавины. Они снова забыли о том, что искали, и следующие полчаса задавали друг другу вопросы. Ответы вели к новым вопросам, которые, в свою очередь, спровоцировали серию обвинений с обеих сторон.

Прошло больше часа, прежде чем они вернулись к поискам ключа. К тому времени запонки уже отправили обратно в жестянку из-под конфет со словами, что подарок, пожалуй, подождет до Рождества. В конце концов пришлось признать поражение, и Бальтазар Джонс позвонил по телефону главному стражу, чтобы тот их вызволил. Главный страж лишь с четвертой попытки сумел забросить запасной ключ в открытое окно, и тут Геба Джонс заметила, что ключ преспокойно торчит в замочной скважине, и поспешила украдкой его вынуть.

С тех пор дверь у них в спальне больше не запиралась, а никакие просьбы не могли удержать ее мужа от ночных прогулок. Однажды утром Геба Джонс, к своей немалой радости, узнала, что ночью его застукал главный страж. Однако вскоре ее радость сменилась негодованием, потому что поползли слухи, будто Бальтазар Джонс ходит к Евангелине Мор, молодой докторше тауэрской общины, при виде которой у многих ее пациентов учащалось сердцебиение. Сплетне почти поверили, потому что большинство любовных афер обитателей Тауэра разворачивалось на территории крепости после того, как ворота запирались на ночь. Геба Джонс сразу же поняла, что в сплетне нет ни слова правды, – после смерти Милона муж забыл о любовных утехах, – но она все равно две недели не позволяла ему спать в их постели. Он спал в ванне, и ноги у него торчали по бокам от кранов. Там было тесно, сыро, по нему ползали пауки, а во сне ему казалось, будто он тонет в лодке посреди океана. Каждое утро Геба Джонс вставала пораньше, чтобы набрать ванну, не удусуживаясь извлечь из нее мужа, и сначала открывала кран с холодной водой.

И сейчас, глядя на часы у кровати, она чувствовала, как по жилам растекается гнев оттого, что ее в очередной раз лишили покоя. Обычно она осуществляла свою месть, едва муж возвращался в постель, источая запахи ночи: Геба Джонс наносила один-единственный, зато очень точный удар. Едва ее муженек погружался в сон, она, заслышав его ровное дыхание, совершала короткую вылазку в туалет, топя хуже часового. Не закрыв за собой дверь, она опорожняла мочевой пузырь. Шум был как от ливня, отчего ее муж в ужасе подскакивал, уверенный, что попал в гнездо шипящих змей. Когда inferнальное шипение все же подходило к концу, он немедленно снова проваливался в сон. Но, кажется, всего через несколько секунд его жена, идеально рассчитав время, не менее громко, хотя и не столь продолжительно, извергала из себя струю во второй раз, завершая оглушительным сливом воды, и муж снова просыпался, разбуженный так же грубо, как и в первый раз.

Натянув до подбородка старенькое одеяло, Геба Джонс размышляла о застекленных шкафчиках на верхнем этаже Соляной башни, с египетскими флаконами для духов, заполненными образчиками дождя, и о неумолимой жестокости горя. Сочувствие к мужу вдруг утомило ее гнев. Даже не взглянув на стакан воды на ночном столике, который она обычно в таких случаях осушала, она снова повернулась на бок. А когда разошлись тучи и муж в конце концов вернулся с пустым флаконом, Геба Джонс притворилась спящей и лежала не шевелясь, пока он укладывался в постель с ней рядом.

Глава вторая

Гнев Гебы Джонс вспыхнул с новой силой утром, когда она увидела на двери спальни мужнин халат с пузырьком для духов в кармане. Она с раздражением взялась за дверную ручку, а все ее сострадание к супругу испарилось по причине головной боли, разыгравшейся из-за прерванного сна. Геба спустилась по лестнице в ночной рубашке и розовых кожаных шлепанцах, вспоминая все предыдущие разы, когда муж помешал ей спать из-за своей дурацкой страсти. Позже, когда он сел в кухне за стол, она поставила перед ним омлет, взбитый яростнее обычного, после чего выплеснула все скопившееся в ней негодование.

Спустя несколько минут живот бифитера в очередной раз свело судорогой – когда жена внезапно переключилась с его странного увлечения на многочисленные неудобства жизни в крепости. Она начала с крыши Соляной башни, ставшей весьма жалкой заменой ее обожаемому садику в их доме в Кэтфорде, который теперь занимали презренные квартиросъемщики. Потом она заговорила о слухах, распространившихся по музейному комплексу со скоростью пожара. И под конец упомянула об унылых звуках, которые наполняют их дом, служивший во времена правления Елизаветы Первой тюрьмой для многих католических священников, звуках, которые они оба якобы не замечали, притворяясь ради Милона.

На минуту Бальтазар Джонс перестал слушать, потому что слышал эти излияния бесчисленное множество раз, и взялся за нож и вилку. Но внезапно его жена заговорила о совершенно новой обиде, что привлекло его внимание. Несмотря на стойкое отвращение к итальянской еде, которое Бальтазар приписывал исторически оправданному недоверию греков к итальянцам, Геба вдруг заявила:

– Все, чего я хочу в этой жизни, – это заказать пиццу на дом!

Он промолчал, поскольку никак не мог отрицать, что они проживают по адресу, который водители такси, мастера по починке стиральных машин, разносчики газет и все без исключения должностные лица, когда-либо дававшие им для заполнения какой-либо бланк, считают вымышленным.

Он отставил тарелку и поднял на жену глаза цвета светлого опала, которые все, кто их видел, никогда уже не забывали.

– Где еще ты могла бы жить, окруженная девятью веками истории? – спросил он.

Она скрестила руки на груди.

– В Греции – где угодно, – ответила она. – И веков было бы гораздо больше.

– Кажется, ты не понимаешь, насколько мне повезло с этой работой.

– Везет тому, кто сажает камни, а выкапывает картошку, – отрезала она, обнаруживая мистицизм, свойственный всем грекам.

После чего занялась тем, что стала превращать в руины остатки их былых отношений. Бальтазар Джонс ответил тем же и тоже зажег фонарь, выискивая древние обиды. К тому времени, как они вышли из-за стола, не осталось ни одного темного угла и все до единого изъяны их пошатнувшейся любви были выставлены на свет дождливого утра.

Геба Джонс поднялась в спальню по винтовой лестнице, и шаг у нее был злой и стремительный. Одеваясь, чтобы идти на работу, она с сожалением вспоминала о том, как сама помогла мужу заполучить место в Тауэре после краха его второй карьеры. В армии он считался мастером стежка, перешивавшим пышные аксельбанты гвардейских пехотинцев, и потому, когда он вышел в отставку, им обоим казалось естественным, что он станет портным. Он решил было взять в аренду какое-нибудь помещение, но жена, помня о еще не выплаченной ипотеке, предостерегла: «По одежке протягивай ножки». Тогда он освободил гостиную в их доме с террасой, в Кэтфорде, установил там рабочий стол, за которым потом и воссе-

дал, с сантиметровой лентой на шее – эту ленту надевал с таким благоговением, с каким священнослужитель надевает столу.

Через год, после двадцати лет их бесплодного супружества, на свет появился Милон. Пока Геба была на работе, им занимался Бальтазар Джонс. В паузах между заказчиками он ставил на свой стол плетеную люльку с ребенком, придвигал стул и рассказывал сыну все, что знал о жизни. Он объяснял, как тот должен будет учиться в школе, «иначе вырастешь таким же балбесом, как твой отец». Доложил, как сыну повезло родиться в семье, где есть самая старая черепаха на свете. «Тебе придется ухаживать за Миссис Кук, когда мы с матерью станем старые и впадем в маразм, к чему у нас, судя по твоим дедушкам и бабушкам, наследственная предрасположенность», – говорил он, подтыкая Милону одеяльце. Знал младенец и то, что ни одно счастье в мире не сравнится со счастьем быть сыном Гебы Джонс. «Мне жаль мужчин, которые женаты не на ней», – признавался Бальтазар Джонс. Милон слушал, ни на секунду не сводя с отца темных глаз и продолжая сосать пальцы на ногах.

Сначала казалось, что Бальтазар Джонс принял верное решение, занявшись пошивом мужской одежды. Но понемногу в их дом, где в палисаднике над крышей скворечника развевался греческий флаг, приходило все меньше и меньше заказчиков. Одни перестали приходить раньше, потому что их раздражала необходимость ждать, пока Бальтазар Джонс менял подгузники. Другие отказались от его услуг позже, усмотрев прямую связь между слишком короткими брючинами и ребенком, носившимся по дому, потому что любящий отец не желал отправлять его в детский сад. А когда Милон наконец пошел в школу и Бальтазар Джонс нашел себе новых клиентов, редко приходили второй раз, непривыкшие к грубому прямолинейному бывшему солдату.

Когда Бальтазар Джонс осознал, насколько шатко их финансовое положение, он задумался над тем, чем же зарабатывают себе на жизнь другие. Он вспомнил времена, когда стоял на посту в лондонском Тауэре, вспомнил бифитеров в роскошных униформах, их славное звание Йоменской стражи Ее Королевского Величества. Туда брали как раз вышедших в отставку унтер-офицеров армии ее величества, причем тех, кто отслужил без нареканий не менее двадцати двух лет. Бальтазар Джонс отвечал обоим условиям и потому заполнил анкету и отправил ее по почте. Через четыре месяца ему пришло письмо, в котором сообщалось, что есть вакантная должность, ранее подразумевавшая охрану (и пытки) заключенных, но с викторианских времен сведенная к обязанностям экскурсовода.

Геба Джонс, зарабатывавшая весьма скромно, понимала, что их сбережений никак не хватит на то, чтобы дать сыну университетское образование, о чем они оба мечтали. Отмахнувшись от тревожного предчувствия, камнем сдавливавшего грудь, она легко приняла слова мужа о том, что им придется жить в Тауэре. «Какая женщина не мечтает жить в замке», – солгала она, не отвлекаясь от кухонной плиты.

Когда Бальтазар Джонс узнал, что она никогда не бывала в знаменитом музее, он спросил, как такое вообще возможно, учитывая, что она все детство провела в Лондоне. Геба ответила, что однажды ее родители сводили ее и трех ее сестер в Британский музей смотреть мраморы Элджина. И там мистер и миссис Грамматикос, стоя перед греческими рельефами, украденными англичанами, рыдали так громко и безутешно, что их семье запретили вход в музей на всю жизнь. Родители в ответ наотрез отказались посещать любые британские достопримечательности, а Геба Джонс, став взрослой, из солидарности поддержала семейный бойкот.

Бальтазар Джонс заметил – на тот случай, если жене об этом неизвестно, – что лондонский Тауэр – это не только королевский дворец и крепость, когда-то он служил еще и тюрьмой для государственных преступников, видел множество казней, и многие верят, будто там до сих пор обитают привидения. Однако Геба Джонс в ответ просто скрылась в садовом сарае, откуда вернулась с шезлонгом в белую и синюю полоску. Она села и выудила из

хозяйственной сумки путеводитель по Тауэру, который купила, чтобы подготовить мужа к собеседованию. С безжалостностью артиллериста-наводчика она принялась выстреливать вопросами в человека, который завалил экзамен по истории за пятый класс, написав такую работу, что потрясенная преподавательница забрала ее себе, чтобы перечитывать и поднимать настроение во время жесточайших приступов депрессии. Геба Джонс палила из всех орудий, пока ее муж метался по газону и чесал затылок в поисках ответов в пустом скворечнике своей головы.

Геба Джонс приняла решение и следовала ему абсолютно. Она могла позвонить с работы Бальтазару Джонсу не ради того, чтобы спросить, чего он хочет на ужин, а чтобы узнать, как звали женщину, которую в тринадцатом столетии заключили в Тауэр за то, что она отвергла ухаживания Иоанна Первого и которую тот отравил, послав ей яйцо. Геба могла, вернувшись с работы, спросить с порога не о том, как муж провел день, а в какой из башен Тауэра герцога Кларенса утопили в бочке его любимой мальвазии. Ночью, еще не остыв от любви, она поднимала голову с его груди и требовала не любовных признаний, а ответа на вопрос, как звали вора, который в семнадцатом веке сумел украсть сокровища Короны и дойти с ними до тауэрского причала. К тому времени, как Бальтазара Джонса приняли на работу, его мозг был совершенно расстроен избытком знаний из английской истории, и в итоге у него развилось маниакальное пристрастие к этому предмету, отравлявшее ему жизнь до конца дней.

Преподобный Септимус Дрю проснулся в своем трехэтажном доме, окна которого выходили на Тауэрский луг, и посмотрел на будильник. Еще оставалось время до того, как откроются ворота Средней башни, чтобы впустить толпу гнусных туристов, худшие из которых уверены, что королева-мать до сих пор жива. Иногда капеллан просыпался до звонка, чтобы продлить этот исключительно важный для него момент. Крепость преобразается, когда адские толпы наконец-то покидают ее и ворота за ними проворно закрывают, хотя воздух в церкви до самой ночи остается зловонным, словно в конюшне.

Капеллан немедленно вспомнил о новой мышеловке, которую с таким тщанием установил накануне вечером. С нарастающим волнением, будто ребенок, собравшийся заглянуть в носок, где лежит рождественский подарок, капеллан гадал, что окажется в ловушке. Не в силах выносить дольше ожидание, он свесил ноги с постели и открыл окна, чтобы изгнать из комнаты туман невостремленной любви, от которого они запотевали по ночам. От движения рам конденсат закапал на подоконник, будто слезы. Капеллан быстро оделся, его длинные безгрешные пальцы все еще плохо слушались после вечера, проведенного за скрупулезной работой в мастерской. Натянув поверх рубашки и брюк красный подрясник, он сунул босые ноги в ботинки, не удосужившись их зашнуровать. Когда он бегом одолевал два лестничных пролета, приподнимая подол, чтобы не споткнуться, сзади алая ткань струилась по вытертым деревянным ступенькам, словно растекшаяся краска. Накануне святой отец купил в магазине «Фортнум энд Мейсон» банку густого джема из севильских апельсинов, но даже сейчас не замедлил шаг, проходя мимо кухни с окном на Тауэрский луг, завешенным тюлевой занавеской, чтобы туристы не заглядывали в квартиру. Разумеется, занавеска не остановила их настырных попыток. Когда бы капеллан ни выходил из дома, он каждый раз заставлял их под своим окном, где они толкались, приставляя ладони к стеклу, чтобы что-нибудь рассмотреть.

Как был, с нечесаными черными волосами, капеллан перешел булыжную мостовую, отделявшую его от королевской церкви Святого Петра-в-оковах. Он так и не смог привыкнуть к тому, что его церковь включили в экскурсионный маршрут. Туристы часто игнорировали требование снимать головные уборы на входе, и отставным солдатам приходилось делать им замечания. Иногда туристы даже забредали на воскресную службу, и капеллан,

наблюдая за ними от алтаря, раздражался, когда они усаживались на скамьи, где сидели бифитеры с семьями, и глазели по сторонам. Он знал, что их восторг и трепет связаны никак не с пребыванием в Доме Господнем, а с тем, что в этой церкви покоятся обезглавленные тела трех королей Англии, казненных на лугу перед этой же церковью.

И разумеется, в нашествии крыс он винил туристов, потому что именно туристы жуют во время экскурсий и повсюду оставляют крошки. Впрочем, любители достопримечательностей были ни при чем, хотя почти вся еда, опрометчиво приобретенная ими в кафе «Тауэр», отправлялась в мусорный бак после первого же укуса. Тем не менее крысы в его церкви водились с тех пор, когда она была еще обычной городской приходской церковью; в крепость она вошла позже, когда Генрих Третий расширил границы Тауэра. Крыс удавалось ненадолго победить дважды: когда церковь перестраивалась, и еще один раз – в девятнадцатом веке, при реставрации, когда под полом были обнаружены останки тысячи человеческих тел. Однако вредители тут же вернулись, привлеченные вкусными новыми подушечками для коленопреклонения, обтянутыми гобеленовой тканью. Не одно поколение капелланов они доводили до исступления тем, что вынуждали священнослужителей приподнимать рясу на несколько дюймов над пыльным полом, чтобы не лишиться подола, забывшись в молитвенном экстазе. Однако ничто не мешало крысам глотать подол, когда святой отец опускался на колени. Преподобный Септимус Дрю находил подобное обхождение с облачением до крайности унижительным и посвятил одиннадцать лет своей службы истреблению тварей, не удостоенных упоминания в Библии.

Все свободное время святой отец методично совершенствовал обычную мышеловку, стремясь превратить ее в хитроумное средство убийства грызунов. Начал он с того, что переделал под мастерскую одну из пустовавших спален, изначально предназначенных для членов его семьи, о которой он давно мечтал. Именно здесь он допоздна трудился над своими изобретениями, уставив полки книгами, в которых излагались основные научные законы и теории. Многочисленные схемы с идеально выполненными рисунками были разложены по всему столу, придавленные горшками с анемичными хлорофитумами. Там же лежали модели ловушек, сделанные из кусочков картона, обрезков досок и бечевки. Арсенал священника включал в себя крохотную пращу с шариком, лезвие бритвы, которое когда-то было частью неудавшейся модели гильотины, малюсенькое осадное оружие и пару миниатюрных ворот с бойницами в верхней части, через которые можно было засыпать внутрь смертоносные приманки.

Подойдя к двери церкви, капеллан нажал на холодную ручку. Надеясь, что сейчас увидит крысиные трупы, он толкнул дверь и прошел по истертым плитам пола в крипту. Приблизившись к надгробию сэра Томаса Мора, где он установил свой новейший аппарат (на создание которого, считая замысел и воплощение, а также телефонные консультации со специалистом из Императорского военного музея, ушло два месяца), святой отец услышал в церкви чей-то голос. Раздраженный тем, что его отвлекают в столь ответственный момент, он двинулся обратно, чтобы определить источник звука.

Его негодование немедленно улетучилось в тот миг, когда он узнал посетителя в первом ряду скамей перед алтарем. Застигнутый врасплох появлением женщины, мечты о которой лишали его сна, он быстро спрятался за колонной и замер, обнимая холодный гладкий камень. Это был тот самый миг, который он представлял себе на протяжении долгих месяцев: возможность поговорить с нею наедине, взять ее за руку, спросить, если ли у него хоть какая-нибудь надежда на ее ответное чувство. Хотя он сомневался в успехе столь старомодного способа, ничего лучшего ему не пришло на ум с тех пор, как она лишила его душевного покоя. Однако в его фантазиях, которые рождались, пока он стоял у окна, глядя на Тауэрский луг в надежде хотя бы мельком увидеть ее, волосы у него были тщательно причесаны, как он причесывал их с восьми лет, а зубы почищены. Проклиная себя за то, что выскочил из дома

впопыхах, он оглядел свои тощие голые лодыжки и горько раскаялся в том, что не нашел минуты натянуть носки.

Пока он горевал по поводу своего плачевного вида, от древних стен отдалось эхо рыданий. Не в силах оставить без утешения мятущуюся душу, он решил, что пойдет к ней, несмотря на непорядок в одежде. Однако в этот самый момент из крипты донесся стук и пронзительный визг. Прихожанка его вскочила со скамьи и выбежала вон, без сомнения испугавшись одного из многочисленных привидений, которыми, как уверяли, кишит Тауэр. Преподобный Септимус Дрю остался стоять где стоял, проигрывая заново всю сцену, но с совершенно иным финалом, и ладан, который он щедро воскурял в надежде заглушить вонь от крысиного помета, стелился по плитам и вокруг его тощих голых лодыжек. Когда же он наконец вернулся в крипту, даже зрелище изничтоженной крысы не улучшило его настроения.

Когда после скромного завтрака Бальтазар Джонс собрался с силами, чтобы приступить к исполнению служебных обязанностей, он влез в темно-синие брюки и натянул такого же цвета камзол с красными буквами «ER»² на груди и красной короной над ними. Он потянулся за шляпой, которая лежала на шкафу, и натянул ее на голову обеими руками. Как и все бифитеры до него, поначалу он носил свою викторианскую форму с гордостью. Но вскоре она сделалась источником раздражения. В ней было нестерпимо жарко летом и мучительно холодно зимой. И, словно этого мало, форму (бифитеры носили ее, пока она не приходила в негодность) дважды в год обрабатывали спреем от моли, и бифитеры вечно чесались из-за кожного раздражения.

Спустившись по ступенькам Соляной башни, Бальтазар Джонс запер за собой дверь и повернул направо, в сторону кафе. Заметив часового на посту перед Казармами Ватерлоо, где хранятся сокровища Британской Короны, он обошел стороной этого гвардейца, который на прошлой неделе победил в драке с бифитером. Взгляд голубых глаз Бальтазара Джонса то и дело обращался к небу, а мысли уплывали вслед за тучами, готовыми пролиться дождем на сохнувшее на веревках белье жителей Кройдона. Когда ему удавалось ненадолго сосредоточиться, он отвечал на дурацкие вопросы туристов, которые уже начинали прибывать в крепость.

Еще через час Бальтазар Джонс умудрился не сразу заметить, что идет дождь. Он был настолько искушенным коллекционером, что его подсознание не среагировало на заурядный, типичный январский дождь. Он терпеливо стоял и ждал, глядя по сторонам, но ничего не замечая, даже того, что посетители давно разбежались. И когда его окликнул человек, вышедший из дворца, он так и стоял, промокший до нитки, и от него повсюду несло средством от моли. Услышав свое имя, Бальтазар Джонс повернул голову, отчего дождевая вода закапала с кончика носа на вышитую красную корону. Человек из дворца в сухом пальто прикрыл бифитера своим зонтом с серебристой ручкой. Представившись Освином Филдингом, конюшим ее величества, он спросил, не могли бы они где-нибудь поговорить. Бальтазар Джонс поспешно провел по бороде, попытался отжать воду, хотел подать руку, но тут же понял, что подавать мокрую руку нельзя. Освин Филдинг предложил выпить чаю в кафе. Но когда они подошли к кафе, он дважды чихнул от щекотавшего ноздри запаха репеллента и направился напрямик в «Джин и дыбу».

Таверна, куда вход туристам был запрещен, была пуста, если не считать хозяйки, которая чистила канареечью клетку. Освин Филдинг прошел по залу и выбрал столик у дальней стены. Он повесил пальто на крючок и подошел к стойке бара. Бальтазар Джонс, позабывший снять шляпу, сел и, пытаясь заглушить тревогу, стал рассматривать висевший на стене

² «ER» («Elizabeth Regina») (лат.) – «Королева Елизавета».

автограф Рудольфа Гесса в рамке. Второй человек после фюрера подарил его кому-то из бифитеров во время своего четырехдневного заключения в Тауэре. Однако Бальтазар Джонс уже столько раз рассматривал автограф, что сейчас не мог на нем сосредоточиться.

Надежда на то, что Освин Филдинг соблазнится элем, развеялась, когда тот вернулся с двумя чашками чая и последним оставшимся у хозяйки «Кит-Катом». Бальтазар Джонс молча взирал, как конюший снимает красную обертку, предлагая ему половину шоколадки, от которой он отказался по причине некоторой неуверенности в желудке. Конюший макал шоколадный батончик в чай, прежде чем откусить, что вдвое растягивало процесс, а сам тем временем задавал ему вопросы из истории таверны. Бальтазар Джонс отвечал как можно короче и даже не сказал конюшему, что у того на подбородке остался шоколад, чтобы не откладывать разговор по существу. Когда конюший заметил автограф Рудольфа Гесса, бифитер только махнул рукой и сказал, что это подделка, потому что терпение его иссякло и он больше не в силах был ждать, когда упадет занесенный топор палача.

Однако, не на шутку его встревожив, Освин Филдинг заговорил о золотистой обезьяне по имени Гаолян, принадлежавшей королеве.

– Это подарок от президента Китая, который посетил страну в две тысячи пятом году, – пояснил он.

Бальтазара Джонса несколько не интересовали золотистые обезьяны, пусть даже и королевские. Он поглядел в окно, гадая, не пришел ли конюший из-за того, что его успехи в поимке карманников были весьма жалкими и среди бифитеров он числится по этому пункту на последнем месте. Когда слух снова включился, он с удивлением сообразил, что его собеседник все еще говорит об усопшей обезьянке.

– Смерть этой зверюшки бесконечно опечалила ее величество, – говорил конюший, качая головой, на которой осталось слишком мало волос, чтобы делать такой внушительный пробор. – Кое-кто во дворце решил выяснить, что означает имя обезьянки, и оказалось, что оно переводится как: «Пусть страна будет доброй», отчего ее кончина становится еще более печальной. Из-за нее начался самый ужасный дипломатический скандал. В Китае золотистые обезьяны – особо охраняемый вид, их осталось не так уж много. Мы говорили, что приглашали даже специалиста по фэн-шуй, чтобы переделать вольер, когда шерсть у обезьянки начала блекнуть, однако на китайцев это не произвело никакого впечатления. Они по неизвестной причине вбили себе в голову, что обезьяна должна была жить в Букингемском дворце. Однако, за исключением лошадей, королева передает всех животных, подаренных ей главами государств, в Лондонский зоопарк. Обезьянник там несколько не хуже, чем во дворце... – Конюший осекся. – Только не рассказывайте никому, – спешно добавил он.

Поскольку Бальтазар Джонс явно не желал выслушивать его дальше, Освин Филдинг поправил свои очки без оправы и объявил, что должен сообщить ему нечто очень важное. Бифитер затаил дыхание.

– Как вам прекрасно известно, отношения Британии и Китая – вопрос весьма деликатный, а поскольку Китай – нарождающаяся сверхдержава, нам необходимо, чтобы она была на нашей стороне, – твердо произнес придворный. – Однако никто не забыл тех злосчастных слов, сказанных герцогом Эдинбургским³. И в знак доброй воли Китай прислал ее величеству вторую золотистую курносую обезьяну. На самом деле это не очень приятно, так как это животное сочетает в себе далеко не самые приятные черты: курносый нос, как следует из названия, синие щеки и шерсть того же оттенка, что волосы у Сары Фергюсон. Но, как бы там ни было, королева была вынуждена принять дар. Ко всему прочему, китайцы тоже отме-

³ Имеется в виду принц Филип, муж королевы Елизаветы Второй, который во время визита в Китай в 1986 году сказал британским туристам, что, если они долго пробудут в этой стране, у них глаза станут раскосыми.

тили сходство окраса обезьянки и волос герцогини Йоркской и назвали животное в честь герцогини. Разумеется, королеве это несколько не понравилось.

Бальтазар Джонс уже готов был спросить, зачем он понадобился Освину Филдингу, но конюший не дал себя перебить.

– Королева питает бесконечное уважение к Лондонскому зоопарку, но тем не менее она решала забрать оттуда новую обезьянку и перевести ее, а заодно и других подаренных животных, в другое, более уединенное место. Дело в том, что главы иностранных держав воспринимают гибель подаренных животных как знак неуважения к себе.

Придворный с заговорщическим видом подался вперед.

– Я уверен, вы догадались, где будет обустроено новое пристанище для животных, – проговорил он.

– Понятия не имею, – отозвался Бальтазар Джонс, которого так и подмывало заказать себе пинту пива.

Тогда Освин Филдинг понизил голос и объявил:

– В Тауэре. Здесь будет основан новый королевский зверинец.

Бифитер решил, что ослышался из-за шума дождя.

– Идея вовсе не безрассудная, как может показаться на первый взгляд, – заверил его посланник из дворца. – Экзотические животные содержались в Тауэре с тринадцатого века. Иностранные правители много лет присылали в подарок необычных зверей, и зверинец стал чрезвычайно популярен у публики. Его закрыли только в тридцатые годы девятнадцатого века.

Как и все бифитеры, Бальтазар Джонс прекрасно знал, что в Тауэре был зверинец, и частенько показывал руины Львиной башни туристам. Он мог бы даже рассказать королевскому конюшему, что зрители давали слонам красное вино, чтобы те не простудились зимой, а львы, как считалось, могли определить, девственница перед ними или нет, – обычно он говорил об этом, когда хотел заставить умолкнуть самых надоедливых туристов. Но на этот раз он промолчал.

Освин Филдинг продолжал:

– Ее величество очень надеется, что новый зверинец поможет увеличить число посетителей Тауэра, которое в последнее время снизилось. – Он немного помолчал и добавил: – В наши дни одними бородатыми джентльменами в старинной униформе публику не заманишь. Я никоим образом не хочу оскорбить вас, или ваши брюки, или бороду.

Он снова умолк, однако бифитер в ответ на его слова лишь стряхнул с полей своей шляпы очередную каплю. Придворный медленно оторвал взгляд от мокрого пятна, куда она упала.

– Не многие знают, что ее величество весьма равнодушна к черепахам, – произнес он. – Ей известно, что у вас живет самая старая представительница этого вида, и это, разумеется, само по себе является новым поводом для национальной гордости. Подобное животное, без сомнения, требует самой внимательной заботы. – И посланник из дворца торжественно улыбнулся. – Королева не могла найти для этого проекта более подходящей кандидатуры, чем вы!

Освин Филдинг похлопал Бальтазара Джонса по плечу и сунул руку под стол, чтобы вытереть о штанину мокрую ладонь. Поднявшись из-за стола, он попросил бифитера никому не рассказывать о новых планах двора, а особенно главному стражу, поскольку детали пока еще только обсуждаются.

– Мы надеемся перевезти животных королевы недели через три, затем дать им несколько дней на адаптацию и только потом открыть зверинец для публики, – завершил он.

Сообщив, что скоро снова свяжется с Бальтазаром, конюший надел пальто и вышел, прихватив свой шикарный зонт. Бальтазар так и остался сидеть на красном кожаном стуле,

не в силах пошевелиться. Он совершил героическое усилие, чтобы подняться с места, только когда разъяренная хозяйка попросила его уйти, жалуюсь, что из-за вонючего репеллента ее канарейка лишилась чувств и упала в мусорное ведро.

Геба Джонс ушла с работы пораньше по причине головной боли, и к тому времени, когда она вернулась в Тауэр, дождь прекратился. Но небо упорно сохраняло цвет воды, в которой кто-то помылся, и было готово в любой момент снова окатить всех грязной жижей. Геба кивнула йомену Гаолеру, заместителю главного стража, который сидел в черной будке при входе в Тауэр и грел ноги возле электрического обогревателя из трех секций. Когда он спросил ее о визите посланника из дворца, Геба Джонс ответила, что все это выдумки, ничего подобного не было, иначе муж уже позвонил бы ей и рассказал. Однако бифитер сообщил, что визитера видели еще девять человек, и назвал каждого по имени, отгибая один толстый палец за другим.

– Не жни там, где не сеял, – бросила Геба, проходя в ворота.

Путь ей преградила плотная толпа туристов, глазеющих на дома с террасами на улице Монетного двора, где жили бифитеры. Ощущая сильнее обычного тяжесть пакетов с покупками в обеих руках, она протиснулась сквозь толпу, мечтая, чтобы все эти люди тешили свою нездоровую страсть к британской истории в каком-нибудь другом месте. Когда она проходила мимо Колыбельной башни, ее больно ударил в грудь рюкзак туриста, который развернулся, чтобы заглянуть в окно, откуда в шестнадцатом веке сбежали по натянутой надо рвом веревке два узника. Отдышавшись, она продолжила путь, не видя уже ничего, кроме греческого домика из своих грез.

Добравшись до Соляной башни, она попыталась нашарить ключ, слишком большой для кармана, и обнаружила, что он прорвал подкладку в новой сумочке. Повернув ключ в замке – задача, для исполнения которой потребовались обе ее кукольные ручки, – она поднялась наверх, оставив внизу половину своих покупок, потому что узкая винтовая лестница не позволяла взять всё. Когда она спускалась за второй частью пакетов, хватаясь за засаленный канат, натянутый вместо перил еще в те времена, когда по этой лестнице ходили заключенные, она по обыкновению подумала, многие ли из узников сумели сохранить голову на плечах.

Геба отставила в сторону покупки и принялась перемывать тарелки, оставшиеся от завтрака, вспоминая, как повздорила поутру с мужем. Потеряв Милона, они, вместо того чтобы держаться друг друга, как это было всегда в трудные минуты на протяжении их супружества, вдруг обнаружили, что плывут в разных направлениях, в одиночку барахтаясь, чтобы выжить. Когда одному было необходимо выговориться, другой вдруг остро нуждался в тишине. В конце концов они выбрались на разные берега и там рухнули без сил, окруженные плотным туманом горя, продолжая метать друг в друга молнии гнева из-за утраты единственного сына.

Намывая тарелки, Геба Джонс поглядывала на рисунок на стене над раковиной, где неумелыми карандашными линиями была изображена Соляная башня, раскрашенная фломастерами. Художник очень старался, хотя не всегда успешно, не выходить за контуры рисунка. Рядом с башней стояли три улыбающихся человека, двое высоких и один маленький. Только родители художника знали, что пятно рядом с ними – это самая старая на свете черепаха, которая тоже улыбалась. Борясь с отчаянием, Геба Джонс всматривалась в краски, уже начавшие выцветать.

И тут она вдруг услышала, как хлопнула дверь. Через несколько секунд в кухне появился муж, который молча вручил ей плоскую картонную коробку, крышка которой была еще теплой. Геба Джонс, не в силах признать, что по-прежнему терпеть не может пиццу, накрыла на стол и вывесила белый флаг, откусывая от угощения по маленькому, застревав-

шему в горле кусочку. Весь остаток вечера в Соляной башне сохранялась напряженная атмосфера, и они переговаривались друг с другом так, будто башня была полна трепещущих бабочек, которых они оба боялись спугнуть.

Глава третья

Стоя у ящика, в котором лежало сто пятьдесят семь пар вставных челюстей, Геба Джонс расстегивала пальто. Этот ритуал она совершала каждое утро, приходя в бюро находок Лондонского метрополитена, даже летом, поскольку ни капельки не доверяла погоде в Англии. Она повесила пальто на вешалку рядом с надувной куклой в натуральную величину, за которой ее владелец так и не отважился прийти. Завернув за угол, она остановилась перед подлинным викторианским прилавком, ставень над которым пока еще был закрыт, и просмотрела один из гроссбухов, чтобы вспомнить, какие находки принесли накануне. Помимо обычного набора из нескольких дюжин зонтиков и бестселлеров – в некоторых книжках закладки торчали драматично близко к последним страницам, – вчерашняя жатва принесла одну газонокосилку, печатную машинку с русскими буквами и шестнадцать банок консервированного имбиря. Последним в списке значилось очередное брошенное инвалидное кресло, увеличившее коллекцию бюро до внушительной цифры – тридцать девять. Яркое доказательство (по крайней мере, для персонала) того, что лондонская подземка творит чудеса.

Геба Джонс включила электрический чайник, стоявший на сейфе, который никто так и не смог открыть с тех пор, как его обнаружили на Кольцевой линии пять лет назад. Заглянула в холодильник, служивший вечным предметом споров (чья очередь его мыть), достала пакет с молоком и поднесла к носу. Отыскала на нижней полке нечто, уже не поддававшееся опознанию, и, убедившись, что мерзкий запах исходит именно оттуда, налила в чашку молока. Дожидаясь, пока закипит вода, Геба Джонс, острее многих других сознававшая, как тяжело терять, с сожалением оглядывала кладбище забытых вещей, расположившихся на металлических стеллажах, покрытых саваном пыли.

Она прошла мимо длинного черного ящика, куда иллюзионисты укладывают своих переливающихся блестками ассистенток, чтобы распиливать их пополам, и поставила чай на свой письменный стол. На столе лежало несколько предметов, прибывших последними, чьих владельцев она пыталась разыскать: чучело колибри под небольшим стеклянным колпаком, искусственный глаз, пара крошечных китайских туфель с острыми носами, расшитыми листьями лотоса, дневник жиголо, который она надеялась дочитать до конца, прежде чем его заберут, и маленькая коробочка, найденная в Альберт-холле, в которой якобы хранилась тестикула Адольфа Гитлера. На полке над столом выстроились в ряд выцветшие открытки со словами благодарности – доказательство того, что по природе человек вполне дружелюбен, хотя нередко об этом забывает.

Открыв ящик, она достала блокнот, надеясь, что в высшей степени благородное дело возвращения утраченной собственности ее легкомысленным владельцам отвлечет ее от собственных забот. Она прочла свои записи, сделанные в ходе поисков производителя искусственного глаза. Но мысли то и дело возвращались к мужу.

Она уловила запах вошедшей коллеги раньше, чем ее увидела. На соседний письменный стол приземлился еще теплый сэндвич с беконом, завернутый в пергаментную бумагу, – он опрокинул статуэтку «Оскара», которая дожидалась своего владельца уже два года восемь месяцев и двадцать семь дней. Геба Джонс считала ее подделкой, поскольку запросы, разосланные в актерские агентства, так и остались без ответа, но Валери Дженнингс твердо верила, что в один прекрасный день к ним зайдет Дастин Хоффман собственной персоной и спросит, не они ли нашли его «Оскара».

Годы разочарований, скрашенные лишь одиночными яркими победами, связали двух женщин крепкими узами, будто заключенных в одной камере. Они искренне радовались успехам друг друга и принимали близко к сердцу горечь поражений. Их работа состояла

из взлетов и падений. Они обе просто не выносили моментов скуки, неизменно наступающих во время рабочего дня, зачастую с самого утра, когда им вручали тридцать девятую связку ключей. Именно тогда, когда они с нетерпением ждали появления чего-нибудь экзотического, или съедобного, или, если повезет, того и другого сразу. В особенно затяжные периоды уныния Геба Джонс находила утешение в ящике иллюзиониста, куда ложилась и лежала, закрыв глаза, а Валери Дженнингс, чьи поразительные объемы делали невозможным подобное удовольствие, развлекалась, примеряя театральные бороды и усы из ничейного ящика и с восторгом наблюдая в зеркале удивительные перевоплощения.

Обе женщины, которые раздражали друг друга словно сестры и точно так же друг друга любили, правили в бюро находок Лондонского метро с королевским достоинством, и лишь в минуты самой отчаянной тоски скатывались к стилистике грязнейшего из борделей. Их честность была абсолютна. Все, что передавали им работники метрополитена или добросердечные пассажиры, записывалось каллиграфическим монашеским почерком в хранимые в идеальном порядке grossбухи. Единственное, что они забирали себе, – это скоропортящиеся продукты, которые по правилам все равно не позволялось держать больше суток, хотя втайне от начальства они и делали исключение для именинных тортов, волновавших не столько их вкусовые рецепторы, сколько сердца.

Женщины поздоровались с обыденным безразличием, ведь они проработали бок о бок больше десяти лет. Пока Геба Джонс поднимала над прилавком металлический ставень, издававший немилосердный визг, Валери Дженнингс осмотрела статуэтку «Оскара» на предмет повреждений, после чего поставила ее на ноги. Она уже собиралась приняться за свой сэндвич, как интуиция подсказала ей, что с ним что-то не в порядке, и она сняла верхний кусочек белого хлеба. Ее подозрения оправдались, и она обругала владельца грязной забегаловки – пройдоха не положил кетчуп. С достойной всяческих похвал надеждой на лучшее, которую она всегда проявляла, сталкиваясь с неприятностями, она спросила, нет ли у них в находках забытого кетчупа.

Швейцарский коровий колокольчик на двери звякнул раньше, чем Геба Джонс успела ответить. Она поднялась со своего места, чтобы Валери Дженнингс могла спокойно наслаждаться завтраком. По пути к прилавку она по конторской традиции попыталась открыть сейф. Но, несмотря на новую комбинацию цифр, серый стальной ящик остался надежно запертым.

Перед прилавком стоял, озабоченно морща лоб, постоянный клиент бюро находок Сэмюель Крэппер в своем неизменном коричневом вельветовом костюме и рубашке в синюю полоску. Далекий потомок знаменитого водопроводчика, имевшего множество патентов на свои изобретения, он получил лучшее частное образование, какое только можно обеспечить за деньги. Однако плата за учебу оказалась даже выше, чем думали родители. На переменах одноклассники донимали Сэмюеля издевательскими шутками, от которых он заливался краской, а его мучители орали, что у него «прилив гордости». Сколько он ни уверял, что это все враки, что вовсе не Томас Крэппер изобрел сливной бачок, а сэр Джон Харрингтон, крестник королевы Елизаветы Первой, они при каждом удобном случае норовили ткнуть его носом в этот самый бачок. Он ненавидел воспоминания о травле в школе и, неосознанно стремясь компенсировать детскую травму, всегда покупал все в двух экземплярах. Вот только он упускал из виду, что потерять можно и дубликат.

Высокий, худой как палка, Сэмюель Крэппер смотрел на подходившую к нему Гебу Джонс, и с каждой секундой волнение его нарастало – он вдруг напрочь забыл, что же он потерял. Глядя в пол, он пытался пригладить волосы цвета охры, которые так и не восстановили утраченную в жестокие годы школьных мучений способность лежать ровно. Внезапно вспомнив наконец о своей пропаже, он улыбнулся, но улыбка тут же и угасла, когда он понял, что может уйти отсюда с пустыми руками.

– Вам, случайно, не приносили помидорный куст? – спросил он, поправляя очки в золотой оправе.

Это не просто помидор, продолжал объяснять он, это потомок одного из первых помидоров, прижившихся в Англии, достижение брадобрея Джона Джерарда в девяностые годы шестнадцатого века. Мистер Крэппер нашел редчайшие семена после нескольких лет напряженных поисков. Выросший куст оказался до того роскошным, что он решился представить его на выставке.

– К несчастью, вчера я забыл его на линии Пикадилли, когда ехал на выставку, – признался он. – Я запомнил, что на самом деле выставка состоится сегодня днем.

– Подождите минутку, – ответила Геба Джонс, исчезая за дверью.

Через несколько минут она вернулась, неся перед собой горшок с пышным помидором, который молча поставила на прилавок с надписью: «Здесь не берут чаевые». Обойдясь без традиционной болтовни о том о сем, она попрощалась и снова ушла с необычной для нее поспешностью. А Сэмюэль Крэппер радостно затопал прочь, прижимая горшок к своему вельветовому пиджаку, совершенно не заметив исчезновения четырех помидоров, которые Геба Джонс и Валери Дженнингс накануне употребили на сырные сэндвичи.

Когда Геба Джонс вернулась к столу, ее коллега исследовала недра холодильника, готовясь к одиннадцатичасовому перекусу, хотя до священного часа было еще довольно далеко. На эти волшебные пятнадцать минут ставень опускался, телефонные звонки оставались без ответа, и обе женщины заваривали «Леди Грей» в чашках из костяного фарфора, за которыми пока никто не пришел, угощаясь пирогом или тортом, принесенным Валери Дженнингс.

Ненасытный аппетит появился у Валери после того, как в один прекрасный день она пришла с работы, собираясь напомнить мужу, что сегодня у них годовщина свадьбы. Но ее ожидала отнюдь не ночь безудержной страсти, на которую она надеялась: муж оторвался от газеты и с безразличием юриста сообщил, что бросает ее. Он сказал, что их брак был ошибкой, но никто в этом не виноват. Валери Дженнингс была настолько потрясена, что позволила ему подать на развод. Спустя несколько месяцев после подписания всех бумаг, ей рассказали, что он женился на Карибах и на церемонии был босиком. Только тогда она сняла с каминной полки их свадебную фотографию и унесла ее на чердак вместе с фотоальбомом, видеть который ей было так же невыносимо.

Когда через несколько минут швейцарский коровий колокольчик снова зазвонил, к прилавок пошла Геба Джонс. Перед ней стоял Артур Кэтнип, билетный контролер лондонской подземки, человек небольшого роста, изрядно расплывшийся из-за пристрастия к плотным завтракам. За годы работы он научился распознавать «зайцев» за сто шагов. Эту способность породила интуиция, благодаря которой он за пятнадцать дней узнал и о грозившем ему тяжелом сердечном приступе. Тогда он взял отпуск и попытался пройти осмотр в ближайшей больнице, чтобы как следует подготовиться. Но там его, билетного контролера и любителя искусства татуировок, несмотря на протесты, отправили в психиатрическое отделение. Его пророческие предостережения были старательно записаны лысым как колено доктором, который в волнении предвкушал открытие нового вида безумия. Когда же сердечный приступ в конце концов случился, единственное, что спасло Артура Кэтнипа от обширного инфаркта, – это то, что кровь, вскипевшая от негодования в разгар беседы с врачом, пронеслась по закупоренной артерии с напором мустанга. Пока отделение наполнялось парами праведного гнева, двое пациентов, оказавшихся куда разумнее своих надсмотрщиков, решили, что миг настал, – прихватили свои чемоданчики и дали деру, проведя в этом отделении сорок девять лет на двоих.

Обе женщины в бюро находок за долгие годы знакомства бесчисленное число раз угощали Артура Кэтнипа в благодарность за то, что он доставлял к ним находки. Некоторые его коллеги, устав от забытых вещей, давно грозивших завалить подземку, оставляли наи-

менее подозрительные предметы там, где находили, в надежде, что их кто-нибудь украдет. Но Артур Кэтнип немедленно приносил все в бюро. Не только потому, что эти две дамы единственные во всем метрополитене благодарили его за стремление превратить лондонскую подземку в оплот британской славы, но еще и потому, что при мысли о посещении старейшего бюро находок на Бейкер-стрит в животе бывшего моряка что-то сладко сжималось, как будто он снова попал на корабль. Несколько месяцев назад он застал Валери Дженнингс с приклеенной театральной бородой, и это зрелище взволновало его сверх всякой меры. Оно сейчас же напомнило ему об удивительных бородатых женщинах, которых он повидал в походах по Тихому океану; он своими глазами видел, как одну такую женщину старейшины племени, потрясая копьями, спасали от хозяев цирка, вооруженных огромными сетями. Несомненное очарование подобных женщин заставляло аборигенов поклоняться им, будто божествам, и приносить им в дар самые крупные черепахи яйца. Желтками они умащивали бороды, а белками натирали свои могучие тела с соблазнительными складками плоти.

Когда после одиннадцати лет супружества Артур Кэтнип случайно узнал, что его жена спит с его же контр-адмиралом, и его брак распался, он поклялся никогда больше не верить женщинам. Он уволился с флота прежде, чем ему предъявили обвинение за сломанную адмиральскую челюсть, и, не желая более смотреть на дневной свет, поступил на работу в Лондонское метро. Однако поразительное видение бородатой Валери Дженнингс породило в нем такое томление, что с того дня он неизменно являлся на работу, благоухая туалетной водой. С тех пор он больше ни разу не видел ее с бородой и в конце концов убедил себя, что это чудо ему привиделось. Но призрак бородатой Валери неотступно преследовал его на протяжении всего рабочего дня, пока он катался по викторианским тоннелям, высматривая безбилетников.

Билетный контролер, чьи руки так и не обрели мягкость, утраченную за годы вязания морских узлов, выложил на прилавок камелию, наручники, шестнадцать зонтиков, тринадцать мобильных телефонов и пять непарных носков. Он молча ждал, упираясь локтем в прилавок, пока Геба Джонс запишет все предметы в разные grossбухи с загадочными перекрестными ссылками, которые она понимала непостижимым образом. Когда Геба закрыла последний том и поставила его на место, Артур Кэтнип поднял с пола неприметный синий рюкзак и опустил его на прилавок со словами: «Вот, чуть не забыл».

Геба Джонс, любопытство которой нисколько не уменьшилось за годы службы, расстегнула молнию и поднялась на цыпочки, чтобы заглянуть внутрь. Так и не поняв, что же там лежит, она сунула руку и достала пластиковый контейнер с крошками от бутерброда с рыбной пастой. Нашупав в рюкзаке что-то еще, она вытащила деревянную коробку с медной пластиной, на которой было выгравировано: «Клементина Перкинс, 1939–2008. RIP»⁴. Они с контролером в ужасе взирали на урну с прахом, стоявшую перед ними на прилавке.

После того как Артур Кэтнип ушел, негодуя вслух, как это вообще возможно – потерять человеческие останки, Геба Джонс занесла находку в реестр. Однако рука у нее дрожала так, что почерк уже нисколько не напоминал монашескую каллиграфию. Она отнесла находку на свой письменный стол и молча поставила на дневник жиголо. Однако ее мысли уже были далеко от деревянной коробки с медной пластиной. Геба думала о маленькой урне, которая стояла в дальнем углу гардероба в Соляной башне, и чувствовала себя так, будто в живот ей всадили нож.

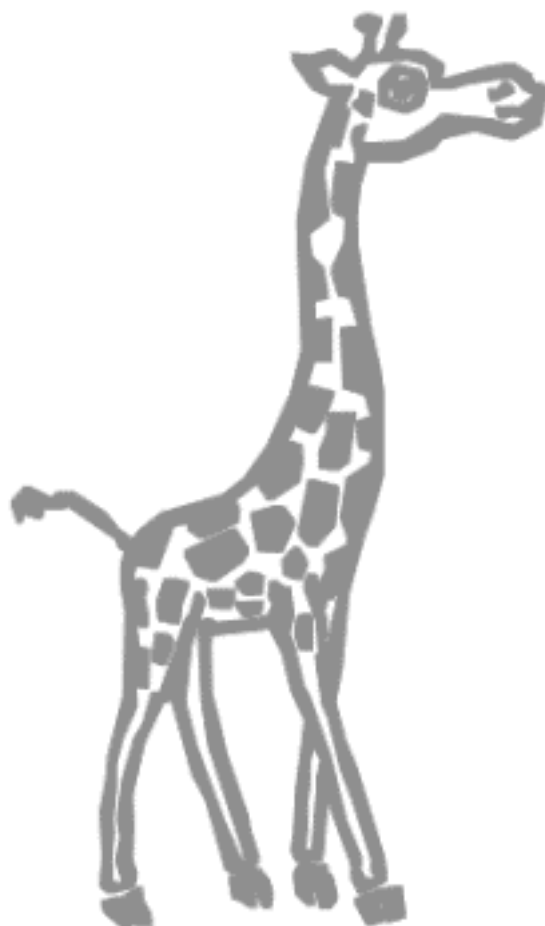
Когда Гебе Джонс позвонили из похоронной конторы и сообщили, что останки Милона можно забрать, она уронила вазу с цветами, только что принесенными от преподобного

⁴ Requiescat in pace (лат.) – да упокоится с миром.

Септимуса Дрю. Бальтазар Джонс смел осколки стекла с ковра в гостиной, снял ключи от машины с крючка на стене, и они поехали, погруженные каждый в свои мысли. Бальтазар Джонс не включал «In the Air Tonight» Фила Коллинза и не барабанил по рулю, пока они стояли в пробке, а на заднем сиденье не было того, кто всегда подыгрывал отцу в самых удачных местах. Супруги нарушили молчание, только когда приехали на место, однако ни один не произнес вслух, зачем они приехали, они лишь назвали фамилию. Секретарь продолжал смотреть на них выжидающе, и неловкая ситуация разрешилась только тогда, когда к ним вышел уполномоченный похоронного бюро. Новая неловкость возникла тут же, когда он поставил перед ними погребальную урну, которую никто из них не осмеливался взять.

Они вернулись в Соляную башню, а их все преследовал одуряющий запах белых лилий, он будто стелился за ними шлейфом, пока они поднимались по винтовой лестнице. Геба Джонс, которая, окаменев от горя, сжимала урну всю дорогу, поставила ее на кофейный столик рядом с казу⁵ Милона и отправилась в кухню, где заварила три чашки чая. Они сидели на диване, задыхаясь от тишины, а третья чашка стояла нетронутая на подносе, и ни один из них не нашел в себе силы взглянуть на предмет, рождавший у обоих тайное желание умереть. Спустя несколько дней Геба Джонс увидела, что урна стоит на их старинном камине. Еще через неделю она, не в силах больше на нее смотреть, переставила урну в шкаф, пока они не выберут место последнего упокоения Милона. Но каждый раз, когда кто-нибудь из них наконец об этом заговаривал, он заставлял другого врасплох, и вопрос оставался нерешенным. Урна так и стояла в платяном шкафу, за свитерами Гебы Джонс. И каждый вечер, прежде чем погасить ночник, мать находила какой-нибудь предлог, чтобы открыть дверцы и мысленно пожелать сыну спокойной ночи, не в силах отказаться от ритуала, который был неизменным одиннадцать лет.

⁵ Казу – американский народный музыкальный инструмент. Небольшой металлический или пластмассовый цилиндр, сужающийся к концу, в который сверху вставляется пробка с мембраной из папиросной бумаги. В России в качестве подобного инструмента использовалась расческа с папиросной бумагой.

Глава четвертая

Бальтазар Джонс решил не рассказывать жене о визите королевского конюшего с роскошным зонтом, рассудив, что на это есть весьма веские причины. Когда через несколько дней черт знает в какую рань, в три тринадцать утра, Геба Джонс вдруг села на постели и спросила: «Так чего от тебя хотел человек из дворца?» – Бальтазар Джонс сквозь сон пробормотал, шумно вздыхая, что речь шла о крепостных стоках. Он тут же пожалел о своих словах. Геба Джонс не ложилась еще одиннадцать минут, высказывая все накопившиеся мысли о том, что историческое отхожее место было там, где у них туалет, поскольку чудовищный запах окаменевших испражнений, оставленных за века узниками замка, висит в доме, словно туман, и каждый раз, когда засоряются трубы, выясняется, что на них не распространяется действие королевских указов.

Бальтазар Джонс считал предложение Освина Филдинга безумным. Когда по вечерам крепость закрывалась для туристов, он усаживался на крепостной стене в полосатый шезлонг и, глядя в сгущающиеся сумерки, надеялся, что королевский энтузиазм по поводу зверинца как-нибудь сам собой поутихнет. Он, в отличие от жены, не страдал от врожденного ужаса перед зверями, но они его и не интересовали. Единственным исключением была Миссис Кук, но в семье Джонсов уже успели забыть о том, что она черепаха. Ее воспринимали скорее как страдающую недержанием престарелую родственницу, весьма склонную к уединению – эта привычка укоренилась в ней настолько, что никто неделями не замечал ее очередного исчезновения, поскольку у всех перед глазами еще стояла картина, как она степенно движется по комнате.

Только когда его вызвали в башню Байворд, бифитер осознал, что сделаться смотрителем королевских зверей ему даже выгодно. Он толкнул обитую гвоздями дверь кабинета и увидел главного стража, сидевшего за столом в холодной комнате с закругленными стенами, а его пальцы, мягкие и белые, как будто набальзамированные, были переплетены на животе. Главный страж с раздражением взглянул на часы, а затем указал бифитеру на стул. Бальтазар Джонс сел, положив на колено свою темно-синюю шляпу, держа ее поля обеими руками.

– Перейду сразу к делу, йомен Джонс, – проговорил главный страж, седая борода которого являла собой шедевр фигурной стрижки, наподобие тисового куста в регулярном дворцовом саду. – Охранять Тауэр и ловить профессиональных карманников – основная часть работы, ради которой тысячи отставных британских унтер-офицеров отдали бы зуб, если бы у них еще оставались зубы.

Он подался вперед и уперся в стол локтями.

– Вы были одним из лучших, когда поступили к нам, – продолжал он. – Я помню те времена, когда вы устроили на Тауэрском лугу настоящее регби, чтобы схватить вора. У него нашли пять украденных бумажников, если я правильно помню. Я знаю, что вам нелегко. Но время не стоит на месте. Мы не можем себе позволить слабое звено. Не забывайте о Крестьянском восстании, когда толпы головорезов штурмовали крепость.

– Это было в тысяча триста восемьдесят первом году, сэр.

– Я знаю, йомен Джонс. Суть в том, что Тауэр должен оставаться в сознании нации неуязвимым. Мы всегда должны быть начеку, а не глазеть по сторонам, любуясь природой.

Бифитер смотрел на бойницу за спиной у главного стража, припоминая тот последний раз, когда его вызывали в этот кабинет. Тогда главный страж даже поднялся из-за стола ему навстречу и попытался его утешить. «Я знаю, что вы сейчас чувствуете, – уверенно проговорил он. – Когда мы потеряли Салли, то жизнь наша опустела. Салли была удивительная. Одна из самых умных собак, какие только у нас были. Она прожила с нами девять лет. А сколько было вашему сыну?» – «Одиннадцать», – ответил Бальтазар Джонс. Потом он пере-

вел взгляд на свои руки, а главный страж уставился в стол. В конце концов Бальтазар Джонс нарушил молчание, попросив дополнительные выходные, а главный страж ему в этом отказал на том основании, что трех дней на похороны вполне достаточно. В тот раз Бальтазар Джонс вышел отсюда и зашагал по крепостной стене, пытаясь отыскать хоть какую-то причину, чтобы жить дальше.

– Вы меня слушаете, йомен Джонс? – спросил главный страж.

Бифитер повернул голову с примятыми из-за шляпы седыми волосами и спросил:

– Как ваша новая собака?

– Отлично. Спасибо, что спросили. Слушается беспрекословно.

Бальтазар Джонс снова перевел взгляд на бойницу.

Главный страж хмуро рассматривал его.

– Мне кажется, вы не вполне осознаете, что ваше будущее здесь висит на волоске. Я предложил бы вам сесть и как следует подумать, – сказал он, вставая. – Так больше не может продолжаться.

Бифитер подскочил, когда грохнула дверь. Он поглядел на свою шляпу и медленно стер с нее дождевые капли, блестевшие, как бриллианты. Он был измучен настолько, что не смог подняться с места, и сидел, глядя перед собой. Мыслями он вернулся в ту ночь, когда умер Милон, и к своей страшной тайне. Когда буря в нем поутихла, он снова перевел взгляд на свою шляпу и вытер ее кончиками пальцев, хотя поля высохли. Поднявшись, он водрузил шляпу на голову, толкнул дверь и отправился исполнять свои обязанности.

К тому времени, когда пришло письмо от Освина Филдинга, который просил его зайти во дворец, чтобы обсудить создание королевского зверинца, Бальтазар Джонс уже решил, что новая должность спасет его от потери работы, которая все же заставляет его вставать по утрам с постели, несмотря на тяжкий груз вины, придавливавший к простыням. Он положил письмо в карман своего камзола, где его не увидит жена, так же как и крошки от печенья, которое она запрещала ему есть, потому что это вредно для сердца.

В то утро, когда он должен был идти на прием к королеве, бифитер сидел на постели в халате, дожидаясь, пока жена уйдет и затихнет эхо ее шагов по винтовой лестнице. Потом он приник к окну с затейливым переплетом, чтобы убедиться в том, что она в самом деле отправилась на работу. Даже сквозь мутное старинное стекло он мгновенно узнал походку той, которая каждый день возвращала утраченную собственность ее легкомысленным владельцам. Только тогда Бальтазар Джонс достал из платяного шкафа красный с золотом парадный мундир, на чем настаивал Освин Филдинг. И преисполненный трепета, будто женщина, решившая надеть свое лучшее белье, вынул из пресса для брюк белоснежный плюшевый воротник.

Он начал одеваться перед зеркалом, которое последние восемь лет стояло у них на полу, потому что его невозможно было повесить на закругленную стену. Комната была неприглядная – такая же, как и комната внизу, хотя они с Гебой старались всеми способами придать бывшей тюрьме жилой вид. Жизнерадостные занавесочки, которые он повесил на окна, не только не защищали от сквозняков, но еще больше подчеркивали убожество жилища.

Супруги поставили платяной шкаф так, чтобы закрыть им самые жалостливые надписи, нацарапанные на стенах несчастными, которые до конца надеялись сохранить головы на плечах. Но остальные надписи были видны. По ночам, когда они оба не могли уснуть, боясь ночных кошмаров, навеянных этими стенами, им обоим казалось, будто они слышат похоронный стук долота.

Когда они только переехали в крепость, Геба Джонс настояла, чтобы всю старую рухлядь из Соляной башни вынесли. Скоро они оба пожалели об этом решении. Если кровать,

комод и письменный стол внесли в комнату Милона на первом этаже без всяких проблем, то поднять что-либо на второй этаж по винтовой лестнице оказалось попросту невозможно. В итоге мебель пришлось разбирать снаружи и заносить наверх по частям. А она не только отказывалась принимать после сборки первоначальный вид, но еще и ни в какую не хотела вставать вплотную к закругленным стенам, чего никто из них не предвидел. Несмотря на картонки, которые Бальтазар Джонс подсовывал под ножки, все стояло на неровном полу криво, и по ночам что-нибудь непременно рушилось.

Радуюсь возможности облачиться в знаменитую униформу, которую надевали для особых церемоний и королевских визитов, Бальтазар Джонс натянул красные чулки. Втянув живот, застегнул на себе красные штаны, которые – как он решил – сели, пока висели в шкафу. Надев камзол с вензелем королевы, вышитым золотыми нитками на груди, он застегнул плюсовый воротник и увидел в зеркале, как должен выглядеть человек, посвятивший жизнь служению своей стране. Больше не было волнистых волос, оттенок которых его жена, художница-самоучка, побуждаемая не столько талантом, сколько надеждой, однажды назвала оттенком мумии, коричневым пигментом, сходным по цвету с пыльными останками древних египтян. За годы роскошные, пышные волны превратились в невысокую серую растительность, которая однажды вдруг сделалась белой. Его некогда гладко выбритые щеки теперь скрывала такая же белая борода, которую он отпустил, чтобы защититься от проклятой сырости.

Сидя на краю кровати, он закрепил красно-бело-синие банты сбоку на коленях и на черных лакированных ботинках. Перешагнув через Миссис Кук, он отправился в ванную, где стоял такой пронизывающий холод, что, принимая ванну, было в пору натягивать шерстяную шапочку. Начиная зубы с тщанием, какого требовала встреча с ее величеством, он молился, чтобы пуговица на штанах не отскочила, когда он будет кланяться.

По пути к Средней башне, вид которой неизменно приводил туристов в восхищение, он не отвечал на вопросы сослуживцев, по какому случаю облачился в парадную форму. Выйдя за стену, он остановил черное такси, поскольку не мог вести машину сам из-за пышного плюсового воротника. Закрыв дверцу, он поудобнее устроился на заднем сиденье и придвинулся к стеклу.

– В Букингемский дворец, пожалуйста, – сказал он, расправляя полы камзола на украшенных розетками коленях.

Преподобный Септимус Дрю вернулся со своей утренней прогулки вдоль заросшего травой крепостного рва, некогда зловонного и по этой причине осушенного еще в девятнадцатом веке. Во время прогулки святой отец размышлял об уроке в воскресной школе для детей обитателей Тауэра, на котором он собирался объяснить, как так вышло, что единороги в Библии упомянуты, а крысы, к примеру, нет. Он уже входил в крепость, когда заметил, как Бальтазар Джонс в парадном мундире усаживается в такси, и его снова кольнуло сожаление из-за того, что они больше не дружат.

В прежние времена бифитер был постоянным гостем за его обеденным столом, и они вместе наслаждались пуляркой под бутылочку «Шато Мусар». Вечера они проводили в таверне «Джин и дыба», сидя за кружкой английского эля и придумывая объяснения тому, откуда в барной стойке взялось пулевое отверстие. Когда позволяла погода, их можно было часто увидеть на Тауэрском лугу за игрой в кегли, причем оба свято блюли негласный уговор не замечать, как жульничает соперник. Капеллан научился не вспоминать о том, что бифитер, отставной солдат, некогда готов был стрелять и убивать людей, защищая страну, а Бальтазар Джонс прощал другу его необъяснимое увлечение религией.

Их взаимная привязанность была настолько сильна, что даже Милон сумел преодолеть свой изначальный страх перед капелланом, который, как поговаривали, совсем спятил,

слушая, как Анна Болейн в своей могиле барабанит по крышке гроба всеми одиннадцатью пальцами. Мальчик приходил к святому отцу, они вдвоем усаживались на скамейку снаружи у входа в церковь, и капеллан рассказывал истории, которые не входят в путеводители для туристов Тауэра. И когда однажды Милон спрятался, а потом его обнаружили в «каменном мешке», тесной камере, где взрослый человек не может встать в полный рост, он так и не признался, кто рассказал ему об этом потайном месте.

Но после смерти мальчика бифитер только раз принял от капеллана приглашение на ужин, а его ботинки для игры в кегли так и валялись на дне гардероба. Несмотря на все усилия святого отца заманить его в «Джин и дыбу», Бальтазар Джонс ходил туда один, предпочитая теперь компанию одиночества.

Вернувшись в свой дом, выходявший окнами на Тауэрский луг, капеллан наполнил ванну, в которой не смог толком полежать из-за отчаянно низкой температуры в ванной комнате. Выбрал трусы, которые должны были помочь ему приобрести достойный вид, необходимый в предстоящем деле. Надел свои любимые вельветовые брюки горчичного оттенка, которые оставляли открытой порядочную часть тощей лодыжки по причине поразительной длины ног, и, пошарив в ящике с носками, достал одну пару, которую ни разу не надевал с тех пор, как эти носки прибыли с рождественской почтой. Облачившись в алую рясу, он протопал в ванную, тихо радуясь новым носкам. Перед пятнистым от старости зеркалом он старательно причесал волосы точно так, как причесывал с восьми лет, и тщательнее обычного почистил зубы. Однако, несмотря на все усилия, поглядев на свое отражение, он увидел всего лишь человека, который дожил до тридцати девяти лет, так и не познав величайшего божьего дара – женской любви.

Он ненадолго зашел в церковь, радуясь, что еще есть время до появления в Тауэре туристов. Нажав на холодную ручку, он спустился по трем ступеням и прошел в крипту, где и остался сидеть в одиночестве, надеясь, что женщина, разбередившая струны его души, еще вернется. Прошел час, он вынул из своего портфеля журнал «Частный детектив»⁶ и полистал его в поисках малоприличных историй о своих коллегах. На некоторое время он даже забыл о неприятностях, зачитавшись рассказом, где фигурировали смотрительница маяка, зюйд-вестка, бутылка абсента и цветная капуста. Но отсмеявшись и отложив журнал, снова принялся думать о женщине, которую надеялся увидеть. Пока следующий час медленно сползал в небытие, священник размышлял о том, как же так вышло, что его никто никогда не любил.

Женатые друзья делали все возможное, чтобы вытащить его из трясины холостяцкой жизни. На все совместные обеды они неизменно приглашали какую-нибудь добрую христианку, которая, как считали они, составит для него идеальную пару. Не теряя надежды, капеллан каждый раз являлся чисто выбритый, с очередной бутылкой любимого «Шато Мусар». Поначалу всем казалось, что друзья угадали. Женщин мгновенно пленял обходительный священник, который по долгу службы был вынужден жить в Тауэре. Несмотря на прическу, внешностью капеллан обладал весьма приятной. К тому же он говорил, что обожает готовить – просто бальзам на душу современной женщины, – и рассказывал о самых выдающихся случаях побега из крепости, которые всех изумляли или заставляли хохотать еще до того, как заканчивался коктейль. К тому времени, когда гости рассаживались за столом, женщина рдела румянцем, стремясь к союзу. Однако, несмотря на столь обнадеживающий старт, вечер неизменно заканчивался провалом, потому что кто-нибудь из гостей обязательно спрашивал: «А сколько народу умерло в Тауэре?»

Капеллан, которому этот вопрос уже начал надоедать, знал по опыту, что отвечать следует как можно короче. Скрестив под столом свои поразительно длинные ноги, он отвечал:

– Несмотря на распространенное убеждение, в Тауэре обезглавили всего семь человек.

⁶ «Private Eye» (англ. «частный детектив») – сатирический журнал, который выходит раз в две недели.

Но каждый раз то ливанское марочное, то какой-нибудь гость, обладающий удивительными познаниями в истории, вынуждали его сказать больше, и преподобный Септимус Дрю принимался выкладывать всю печальную правду:

– Но, конечно, здесь не только рубили головы. Генрих Четвертый, как говорят, был заколот в Уэйкфилдской башне. Многие верят, что два малолетних принца были убиты Ричардом Третьим в Кровавой башне. В правление Эдуарда Первого видный сановник по имени Генри де Брэй пытался утопиться, бросившись в Темзу из лодки, когда его везли в Тауэр. Потом он покончил с собой в камере. В тысяча пятьсот восемьдесят пятом году восьмой герцог Нортумберленд застрелился в Кровавой башне. Кстати, сэр Уолтер Рэли тоже пытался совершить самоубийство, когда был узником Тауэра. Кто там еще? Ах да, во время Гражданской войны казнили девятерых роялистов. Еще трое бунтовщиков из шотландской «Черной стражи» были расстреляны перед своим полком напротив церкви. Им было приказано заранее надеть саваны. Кого еще я забыл? Ах да. Беднягу Томаса Овербери. Он сидел в Кровавой башне, и его кормили отравленными пирожными и желе. Он умирал медленно и мучительно, несколько месяцев, и в конце концов его добились с помощью клизмы, начиненной ртутью. Очень болезненная смерть.

Считая, что святой отец сказал все, гости выдерживали скорбную паузу. Но как только они снова брались за ножи и вилки, капеллан продолжал:

– Был еще герцог Кларенс, которого утопили в бочке его любимой мальвазии в башне Байворд. Саймона Садбери, архиепископа Кентерберийского, вытащили из Тауэра во время Крестьянского восстания и обезглавили за стенами крепости. Его мумифицированную голову вы можете увидеть в Саффолке, в церкви Святого Георгия в Садбери... На чем, бишь, я остановился? Ах да. Арабеллу Стюарт, кузину Якова Первого, заточили в крепость, где она и была убита, предположительно в Доме королевы. Ее призрак имеет обыкновение душить спящих. Во время Первой мировой войны в Тауэре расстреляли по обвинению в шпионаже одиннадцать человек разных национальностей. Во время Второй мировой, в тысяча девятьсот сорок первом, расстреляли немецкого шпиона. Он, кстати, был последним, кого казнили в Тауэре. У нас до сих пор хранится стул, на котором он сидел в крепости. Полагаю, стоит упомянуть еще примерно сто двадцать пять узников, которые были казнены, в основном через усекновение головы, на Тауэрском холме за стенами крепости, куда стекались толпы любопытных, желающих посмотреть на казнь. Но я назову только некоторых...

К тому времени, когда преподобный Септимус Дрю заканчивал свой пространственный ответ, обед оказывался безнадежно испорчен, а щеки женщины бледнели до оттенка льняной салфетки. Когда она уходила с вечеринки, так и не оставив ему номера своего телефона, хозяева извиняющимся тоном объясняли, что во всем виноват его адрес. «Ну какая женщина захочет поселиться в Тауэре?» – обычно говорили они. И всякий раз капеллан соглашался с их объяснением. Однако, возвращаясь в свой пустой дом с видом на Тауэрский луг и сидя в темном, без ковров кабинете, он неизменно приходил к горькому заключению, что вина за неудачу полностью лежит на нем.

Наконец-то смирившись с тем, что женщина, которая снится ему каждую ночь, не придет, преподобный Септимус Дрю встал и пошел через церковь к двери. Там, за порогом, ветер немедленно причесал его по-своему, и он отправился домой, сверкая снеговиками на носках, которые проглядывали между подолом рясы и ботинками. Он пошарил в кармане, отыскивая ключ от своей светло-синей двери, которую начал запирать с того раза, когда вернулся домой и обнаружил у себя в гостиной двух испанских туристов – они сидели на его диване и ели его бутерброды. Заперев за собой дверь, он прошел в кухню, где до сих пор пахло пряником, испеченным по рецепту его матушки, и поставил на огонь свой печальный чайничек на одну чашку.

Бальтазар Джонс, который всю дорогу, стоило таксисту затормозить, боялся смять свой плюшевый воротник о спинку сиденья, наконец прибыл к воротам Букингемского дворца. Полицейский провел его через боковую дверь внутрь, после чего сдал с рук на руки безмолвному лакею в ливрее, у которого даже начищенные башмаки с пряжками не произвели ни звука, пока они шли по коридору, застеленному синим ковром. Вдоль стен коридора стояли позолоченные столики с мраморными столешницами, где красовались пышные композиции всех оттенков розового, которые составила утром, хлюпая носом, придворная флористка, чей муж только что попросил развода. Однако пролитые ею слезы были слезами не горя, а радости, потому что за время супружества она так и не смирилась с тем, что ее муж каждое утро уходил на работу в юбке (хотя называл ее иначе), клетчатых гольфах и без нижнего белья. После трех полных разочарования лет совместной жизни с королевским волынщиком она, подобно королеве, пришла к выводу, что терпеть не может волынку. По традиции, учрежденной королевой Викторией в разгар ее увлечения Шотландией, волынка играла под королевским окном каждое утро, кроме выходных. Этот кошмар начинался в самое нелепое время, в девять часов утра, и продолжался добрую четверть часа, к вящему неудовольствию Елизаветы Второй. Не было никакой возможности укрыться от этих звуков и в других резиденциях, ни в Виндзорском дворце, ни в Холирудском, ни в замке Балморал, куда волынщик переезжал следом за королевой, поддерживая отвратительную традицию с неукоснительной точностью.

Безмолвный ливрейный лакей открыл дверь в кабинет Освина Филдинга и указал на зеленый стул, предлагая Бальтазару Джонсу подождать. Когда дверь за ним беззвучно закрылась, бифитер сел и снял с левого колена в красном чулке пушинку, которую умудрился не заметить, облачаясь в униформу. Он поднял голову, рассматривая комнату. На голубых стенах висело несколько гравюр с видами Букингемского дворца, вставленных в тонкие золотые рамки, которые были частью собственной коллекции королевского конюшего. Когда он склонился над фотографиями в рамках, расставленными на огромном письменном столе, по груди под красной униформой скатилась капля пота. Бифитер взял ближайшую серебристую рамку, из которой на него поглядел Освин Филдинг, с трудом узнаваемый из-за копны волос, в туристском снаряжении и в обнимку с блондинкой в бейсбольной кепке. Он рассмотрел ноги конюшего и немедленно решил, что они гораздо хуже, чем у него, несмотря на то что он, Бальтазар Джонс, уже немолод.

Внезапно дверь открылась, и в комнату вошел, внося с собой подобающий джентльмену запах, конюший.

— Должен сказать, вы выглядите просто великолепно, — объявил придворный, расстегивая пуговицу на неброском пиджаке. — К несчастью, ее величество задержали дела, боюсь, нам придется беседовать вдвоем. Но уверен, что лишний раз прогуляться в красном костюме всегда приятно!

Бифитер медленно снял с головы черный тюдоровский боннет и молча положил на колено.

— Что нам обоим точно не повредит, так это чашка чая, — заявил придворный, усаживаясь за свой стол. Позвонив в колокольчик, он откинулся на спинку стула. — Должно быть, интересно жить в Тауэре, — продолжал он. — Когда мои дети были помладше, они все время спрашивали, почему нам нельзя туда переехать. А у вас есть дети? Из вашей личной биографии мне известно только то, что у вас есть черепаха.

Последовала пауза.

Бифитер перевел взгляд на стол.

— Сын, — ответил он.

— Он живет с вами или, может быть, вступил в армию, как его отец?

– Нет, он больше не с нами, – ответил Бальтазар Джонс, глядя в ковер.

Молчание было нарушено приходом ливрейного лакея с серебряным подносом. Опустив поднос на письменный стол конюшего, лакей налил две чашки чаю через серебряное ситечко и снова беззвучно вышел. Освин Филдинг предложил бифитеру тарелку с песочным печеньем. Бальтазар Джонс отказался, уж очень странное на вид было это печенье.

– Напрасно, это фирменное печенье ее величества. Такое же вкусное, как и ее лепешки. Надо признать, что выглядит оно несколько необычно. Наверняка она пекла без очков, – пояснил придворный, принимаясь за печенье.

Бифитер с сожалением поглядел на печенье, приготовленное монаршими руками, а затем на конюшего, который, откусив кусочек, кажется, на мгновение воспарил в экстазе. Когда Освин Филдинг вернулся в реальность – вынул из ящика стола папку и открыл ее. После чего принялся объяснять, какие запланированы работы по обустройству зверинца, заметив, что вольеры соорудят не только в бывшем крепостном рву, но под них переделают даже часть пустующих башен.

– Я понятия не имею, куда кого поместить. Я ничего не понимаю в экзотических животных, сказать по правде, я больше люблю лабрадоров и потому оставляю все на ваше усмотрение, – с улыбкой произнес королевский конюший.

Бальтазар Джонс потянул свой пышный воротник, пытаясь ослабить его давление.

– Полагаю, вам не терпится узнать, каких животных привезет вам герцогиня Йоркская, – продолжал конюший, переворачивая страницу. – Несколько туканов. Если я правильно помню, это подарок президента Перу. Приедет зорилла, которая вовсе не гибрид зебры и гориллы, как можно подумать, а чрезвычайно высоко ценимый и еще чрезвычайно вонючий черно-белый зверек из Африки, похожий на скунса. В Судане его даже называют «отцом вони». Мы надеялись отослать его назад дарителю раньше, чем увидит королева, но она увидела и сказала, что невежливо отказываться от подарка, какой бы гнусный запах он ни издавал. Есть несколько мармозеток Жоффруа – или белолицых игрунок, если вам так больше нравится, – от президента Бразилии и сахарная сумчатая летяга от губернатора Тасмании. Сахарные летяги – это, кстати, карликовые летающие поссумы, которые впадают в глубочайшую депрессию, если на них не обращают внимания. Имеется росомаха, присланная русскими, похожая на маленького медведя с неумным аппетитом. Ее содержание обходится королеве в целое состояние. Кто там еще? Комодский дракон от президента Индонезии. Комодские драконы – самые крупные ящерицы в мире, способны убить лошадь. Это хищники, и если они кого-то укусят, последствия бывают самые ужасные – у жертвы начинается заражение. Так что на вашем месте я бы присматривал за этим зверем как следует.

Бифитер вцепился в подлокотники кресла, когда конюший перевернул страницу.

– Кто там у нас еще? – спросил сам себя Освин Филдинг. – Ах да, шлемоносные василиски, которые по-другому называются ящерицами Иисуса Христа или попросту ящерицами-иисусами. Президент Коста-Рики прислал их целый выводок, бог знает зачем. Этруская землеройка от президента Португалии. Это самые маленькие млекопитающие в мире, взрослая особь легко умещается в чайной ложке. Они чрезвычайно пугливы и могут умереть от стресса, если просто взять их в руки. А говорят, что переезд – один из самых больших стрессов, так что помогай нам бог. Позвольте напомнить, что Англо-португальский альянс, заключенный в тысяча триста семьдесят третьем году, – старейший союз в мире из ныне действующих. И мы не хотим, чтобы кто-нибудь его разрушил. Короче говоря, вот вам список. Об остальных сами прочтете на досуге. Разумеется, если потребуется, в вашем распоряжении будет ветеринар, но в целом работа должна быть не особенно сложная. Вам нужно будет просто следить, чтобы у животных была вода и еда. И конечно, чтобы с ними хорошо обращались.

Бифитер протянул руку в белой перчатке и молча взял папку. Когда он уже поднимался, королевский конюший перегнулся через стол.

— Хочу предупредить, — сказал он, понизив голос. — Помните, что неразлучников нельзя сажать в одну клетку. Они терпеть не могут друг друга...

Глава пятая

Геба Джонс оставила без внимания урну с прахом, которая стояла у нее на столе, с тех пор как ее принесли в бюро, и достала искусственный глаз. Она поднесла его к своему, и два зрачка несколько секунд изучали друг друга. Наконец отведя взгляд, она подивилась мастерству, с каким была расписана ореховая радужка. Вдоволь наудивлявшись, она взялась за телефонную трубку в надежде наконец-то вернуть глаз его датскому владельцу.

Найти номер оказалось не так трудно, как она опасалась. Дело сдвинулось с мертвой точки, когда она обнаружила на обратной стороне протеза имя производителя и серийный номер. Надпись была мелкой, словно мушиные следы, и чтобы ее разобрать, Гебе Джонс пришлось взять у Валери Дженнингс очки, что вошло у нее в привычку и раздражало Валери. Услышав просьбу Гебы, Валери издала такой тяжкий вздох, что наверняка его слышали даже земляные черви подземки, и осталась сидеть в расплывшемся мире, дожидаясь своих очков, в очередной раз посоветовав Гебе Джонс проверить зрение.

– Зрение с возрастом портится у всех, – сказала она.

– Старая курица стоит сорока цыплят, – ответила Геба Джонс, наконец-то возвращая очки.

Набрав телефонный номер владельца глаза, который ей дал секретарь производителя протезов, Геба Джонс в ожидании ответа что-то писала в своем блокноте.

– Алло, – ответили ей наконец.

– Алло, – повторила она настороженно. – Фредерик Кьельдсен?

– Ja! ⁷

– Говорит миссис Джонс из бюро находок Лондонского метрополитена. Я уверена, что мы нашли вещь, которая принадлежит вам.

Последовала пауза, после чего из здорового глаза Фредерика Кьельдсена полились слезы. Когда влажные звуки в трубке стихли, он извинился и принялся объяснять, что случилось.

– Я лишился глаза два года назад в дорожной аварии. Пролежал в больнице несколько недель, – сказал он. – Потом не мог заставить себя сесть за руль, пришлось бросить преподавательскую работу. Я был настолько подавлен, что даже не сообразил пойти к... как вы их называете?

– К протезисту?

– Ja! К протезисту. Только когда моя сестра собралась замуж, я решил вставить глаз, чтобы не портить ей своим видом свадебные фотографии. Тогда я принял решение, когда пройдет праздничная церемония, покончить с собой.

Последовала долгая пауза, когда два незнакомых человека прислушивались к молчанию друг друга.

– Мне пришлось ехать до протезиста на двух автобусах, – продолжал он. – Но в тот миг, когда мастер, к которой я обратился, оторвала взгляд от инструментов и заговорила со мной ангельским голосом, я по уши в нее влюбился. Прошло восемь месяцев, и после многочисленных и, должен сказать, ненужных свиданий я сделал ей предложение под той самой елью, под которой мой отец просил руки моей матери. Накануне нашей свадьбы все цветочные магазины в округе остались без цветов. Я был так счастлив, что невозможно передать словами.

Громко сглотнув комок в горле, Фредерик Кьельдсен продолжал:

⁷ Да! (дат.)

– Десять дней назад я гостил в Лондоне у племянницы и уже ехал в аэропорт, когда поезд метро неожиданно остановился. Я ударился лбом о стекло, и глаз выскочил. В вагоне было столько ног и сумок, что я так и не смог его найти до самого Хитроу. Если бы я остался искать его и дальше, поезд просто увез бы меня обратно в Лондон и я опоздал бы на свой самолет. На следующий день я должен был вовремя явиться на работу, у меня разыгралась чудовищная мигрень, потому я просто надел солнечные очки и вышел. Конечно, жена сделала мне другой глаз, но мне так был нужен тот, что свел нас вместе. А теперь вы его нашли. Это настоящее чудо!

Фредерик Кьельдсен снова извинился за свои слезы, а Геба Джонс заверила его в том, что немедленно вышлет глаз по почте. Когда она повесила трубку, Валери Дженнингс подошла и посмотрела на глаз из-за плеча своей коллеги, почесывая шиньон с темными кудряшками, приколотый к затылку. Затем с одной из полок она сняла коробку, где лежал стеклянный глаз, предположительно принадлежавший Нельсону, и еще один, фарфоровый, который, если судить по приложенной к нему бирке, принадлежал китайскому императору четырнадцатого века, который использовал его, только когда посещал любимую наложницу. Показав все глаза коллеге, Валери Дженнингс, которой уже стало скучно, спросила:

– Не хочешь поиграть в шарики?

Геба Джонс была уверена, что выиграет, в особенности потому, что была готова пожертвовать собой и растянуться на полу конторы, чтобы совершить удачный бросок. Свое мастерство она довела до совершенства еще в раннем детстве, на холодных каменных полах в Афинах, а к пяти годам, когда семья Грамматикос переехала в Лондон, раскрыла свой талант в полной мере, несмотря на препятствия в виде ковров. Ее способность выигрывать даже с завязанными глазами в итоге породила веру, будто своему умению она обязана исключительным слухом – почему-то никому в голову не приходило куда более очевидное объяснение, что она подглядывает. В результате она объявила, будто способна слышать слова еще не рожденных младенцев, и все беременные всего греческого квартала, с готовностью поверившие в такую способность соотечественницы, подставляли свои огромные животы, чтобы девочка слышала первые слова их детей. Требуя абсолютной тишины, она усаживалась, прижавшись ухом к торчащему пузу, и переводила повизгивания, перешептывания и стоны с живостью полиглота.

– Спасибо, что-то не хочется, – тем не менее ответила Геба Джонс, переворачивая искусственный глаз, зажатый в руке. – Смотри. Он вытянут с одной стороны. Кроме того, глаз этого бедняги и без того немало покатался по Лондону.

Заклеив коробочку с глазом коричневой клейкой лентой, которая висела на запястье надувной куклы – это место одобрили обе, потому что скотч часто терялся, – Геба Джонс написала адрес мистера Кьельдсена и с торжествующим видом положила коробку в мешок для почтовой корреспонденции. Оглядев письменный стол в поисках новой задачи, она задержала взгляд на урне с прахом. Ощувив укол совести за то, что постоянно игнорировала эту находку с первого дня ее появления, она повертела в руках деревянную коробку и провела пальцем по медной пластине со словами «Клементина Перкинс, 1939–2008. RIP», выведенными изящным почерком. Она попыталась представить женщину, останки которой путешествовали по метро, но больше всего ей было жаль того человека, который их потерял. В надежде отыскать хоть какую-нибудь ниточку, способную привести ее к родственникам Клементины Перкинс, она решила поискать запись о ее смерти в Национальном реестре умерших.

– Я скоро вернусь, я в библиотеку, – объявила Геба Джонс и удалилась, облачившись в свое бирюзовое пальто.

Валери Дженнингс поглядела, как она заворачивает за угол, и тут же пожалела, что не попросила ее купить булочку «челси» в соседней булочной. Несмотря на всю свою снисхо-

длительность, она давно уже сетовала по поводу их ассортимента, и одно время даже бойкотировала заведение, когда заметила у витрины булочной двух французских туристов, которые обсуждали, пригодны ли выставленные изделия для заколачивания гвоздей. Но постепенно она смягчилась, вынуждаемая необходимостью и чувством патриотизма.

Приклеив бирку к желтому каноз, она взяла его за нос и протащила через контору, шаркая по полу подметками черных туфель без каблуков и сыпля проклятиями. В итоге ей все же удалось затащить лодку на нижнюю полку отдела, посвященного судоходству. Распрямившись, она прогнула спину, разминаясь, а затем подошла к подлинному викторианскому прилавку и записала в гроссбух номер полки с помощью неподдающегося пониманию шифра.

У них был единственный в Лондоне офис, где не было компьютера, овладевать которым обе сотрудницы отказывались с неколебимым упорством. Когда пятью годами раньше их поставили в известность о том, что скоро у них появится непостижимая умом машина, обе с пугающей синхронностью близнецов высказали твердый протест. После чего, словно два цирковых уродца, они продемонстрировали энциклопедические познания о каждом предмете, помещенном на старательно пронумерованные полки, включая и сведения о том, на какой станции метро он был потерян.

Однако их безупречной памяти оказалось недостаточно, чтобы убедить начальство отказаться от своих планов, пока не была предпринята попытка проследить систему перекрестных ссылок в их гроссбухах. Древний шифр, который служащие изобрели специально, чтоб сделаться незаменимыми, передавался из поколения в поколение со времен королевы Виктории, когда и было учреждено бюро, дабы возвращать людям муфты и трости, позабытые на новом, ошеломляющем виде транспорта.

Едва до начальства наконец дошло, с чем они столкнулись, кто-то из управляющих набил карманы леденцами и навел последних из пока еще живых бывших служащих старинного бюро. Он нашел двух из них, цепляющихся друг за друга, в пыльной гостиной дома для престарелых. Однако ни радость от нежданного гостя, ни полные карманы сокровищ, ни просьбы и увещания не сподвигли их, когда туман старческого маразма на минуту рассеялся, сообщить ключ от шифра, обеспечивавший им кусок хлеба. И в итоге все попытки модернизации были оставлены до очередной смены руководства, которое, несмотря на все новые тактики, неизменно терпело сокрушительное поражение.

Вернувшись за свой стол, Валери Дженнингс открыла черную сумочку и вернула на одну из книжных полок прочитанный роман. Каждая книжка, которую она заимствовала, возвращалась в бюро на следующее же утро, на тот случай, если за ней придет законный владелец. И оставалась на полке, пока Валери не клала ее обратно в сумочку, уходя домой. И дома, устроившись в кресле с подставкой для ног, она перелистывала страницы, отравленные головокружительными испарениями фантазии.

Услышав звон швейцарского коровьего колокольчика, она отбросила с лица прядь волос, выбившуюся из прически, нацепила на нос очки и направилась обратно к прилавку. По дороге она по конторской традиции попыталась открыть сейф. Но он остался запертым, как и в день своего появления, когда его пять лет назад нашли на Кольцевой линии.

Завернув за угол, она обнаружила Артура Кэтнипа, частично скрытого букетом желтых роз. Это был уже второй букет, который он ей приносил. Когда в первый раз он увидел, что ставень опущен, храбрость немедленно покинула его, и он ретировался на улицу. Он предложил букет первой же женщине, встретившейся у него на пути, однако она, как и одиннадцать других после нее, отвергла дар из твердого убеждения, что все жители Лондона являются потенциальными маньяками-психопатами.

Цветы были не единственным подарком, для Валери Дженнингс, который принес билетный контролер невысокого роста. Угадав ее слабость к литературе из привычки прочитывать названия всех потерянных книг, которые он приносил, он обследовал столичные

букинистические магазины, отыскивая то, что могло бы ей понравиться. Даже не останавливаясь перед современными бестселлерами, он в конце концов наткнулся на сочинения неизвестной писательницы девятнадцатого столетия, мисс Э. Клаттербак. Пролистав страницы, он обнаружил, что ее главная героиня, действующая во всех романах, благословлена крепким телосложением, пугающе проницательным умом и толпой ухажеров самого разного роста. Ни один роман не заканчивался без того, чтобы героиня не открыла новую страну, не изобрела научную теорию и не раскрыла самое что ни на есть злодейское преступление. Только тогда она возвращалась в свою гостиную, чтобы там, среди букетов желтых роз, с куском пирога с ревенем и заварным кремом на тарелке, обдумать многочисленные брачные предложения. Артур Кэтнип скупил все романы, какие смог найти, и теперь пришел к подлинному викторианскому прилавку с очередным отдающим плесенью томиком, уверяя, что нашел книгу в вагоне. Лицо Валери Дженнингс сейчас же засветилось в предвкушении увлекательной истории. И она полистала страницы, рассматривая цветные иллюстрации, на которых мясистая героиня душила змею в только что открытых землях, представляла свое новейшее техническое изобретение пораженному джентльмену из парламента или отправлялась на светский прием с одним из воздыхателей – большинство из них были ниже ее ростом, но все с изящными усиками.

Внезапно осознав, что стоит рядом с Валери Дженнингс, держа букет цветов, словно какой-нибудь герой мисс Э. Клаттербак, Артур Кэтнип лишился дара речи.

– Какая прелесть! – сказала она, рассматривая букет. – Такие цветы купили для какого-то особенного случая. Где вы их нашли?

Его охватила паника, и Артур Кэтнип услышал, как произносит три гнусных слова, о которых ему пришлось сожалеть всю следующую неделю:

– На Викторианской линии.

Преподобный Септимус Дрю шагал по булыжной мостовой, возвращаясь из церкви, где он снова напрасно прождал женщину, разбередившую его душу. Подходя к дому, он огляделся по сторонам в надежде ее увидеть, но увидел лишь надоевших туристов, которые в этот час начинали просачиваться в Тауэр. Потянувшись в карман за ключом, он понял, что на сей раз туристов опередили – на скамье возле Белой башни сидела, плотно сомкнув колени, женщина с коротко стриженными волосами цвета пушечного железа и смотрела на преподобного отца. Он сейчас же узнал в ней председательницу Общества почитателей Ричарда Третьего. Она уже несколько месяцев пыталась уговорить его вступить в общество, и ее страсть к опороченному монарху полыхала в ней ярким пламенем, разгораясь от неразделенной любви к капеллану. Испугавшись, что сейчас она снова кинется убеждать его, будто короля опорочили, назвав горбатым детоубийцей, преподобный Септимус Дрю быстро шмыгнул в свою дверь и захлопнул ее за собой.

Он прошел по коридору до своей холостяцкой гостиной, где проводил больше времени, чем ему бы хотелось. Успешно избежав соприкосновения с выскочившей пружиной, он сел на диван, доставшийся ему от предыдущего капеллана, как и вся остальная разрозненная мебель. Раскрыв биографию Черного Джека, назначенного на должность крысолова и истребителя кротов при королеве Виктории, он принялся читать. Но уже скоро понял, что мысли его сосредоточены на той, что так и не пришла в церковь. Он посмотрел на семейную фотографию на каминной полке, сделанную на Рождество, когда все его шесть сестер с мужьями и многочисленными отпрысками приехали к нему в гости. Перебегая взглядом по знакомым лицам, он ощущал горечь неудачника, единственного члена клана, который до сих пор не обзавелся собственной семьей.

В носу до сих пор стоял запах крысиного помета, и потому он взял с приставного столика бутылочку Спасительного Средства и капнул себе на язык пару капель. Его вера в

мистическую силу зелья из пяти трав и прочие, еще более безумные дистилляты друидов, рецепты которых хранила народная медицина, была так же безгранична, как вера в Святого Духа. По мере приближения к среднему возрасту капеллан все чаще покупал профилактические снадобья, какие только ему попадались, и в его шкафчике в ванной стояли всевозможные новейшие настойки и микстуры, помогавшие в самом деле или в воображении при всех расстройствах здоровья. Преподобный отец покупал их, твердо веря, что тело, не согретое любовью, становится уязвимо к болезням.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.